

Татьяна Хмельницкая
Алекс Хелльвальд

ОХОТА
НА
БЕЛЮСА

Татьяна Хмельницкая

Охота на Велеса

«Издательские решения»

Хмельницкая Т.

Охота на Велеса / Т. Хмельницкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855305-9

Алина — обладательница необычного дара. Чтобы дать дочери возможность адаптироваться к новым талантам, родители отправляют её к своим друзьям в таёжную деревушку. Вскоре из СМИ девушка узнаёт об убийстве близких. Теперь события валятся как снежный ком, заставляя двигаться от пункта к пункту. Получится ли у Лины и её друга детства Остапа пройти все испытания? Сможет ли девушка правильно распорядиться неординарными способностями? Будет ли счастливый финал у этой истории? Строго 18+.

ISBN 978-5-44-855305-9

© Хмельницкая Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Остап	6
Глава 2. Алина	14
Глава 3. Остап	21
Глава 4. Алина	29
Глава 5. Остап	36
Глава 6. Алина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Охота на Велеса

Татьяна Хмельницкая Алекс Хелльвальд

*Я просыпаюсь в холодном поту,
Я просыпаюсь в кошмарном бреду.
Как будто дом наш залило водой,
И что в живых остались только мы с тобой.
И что над нами километры воды,
И что над нами бьют хвостами киты,
И кислорода не хватит на двоих.
Я лежу в темноте,
Слушая наше дыхание.
Я слушаю наше дыхание.
Я раньше и не думал, что у нас
На двоих с тобой одно лишь дыхание...*

*«Наутилус Помпилиус»
(В. Бутусов / И. Кормильцев)*

Иллюстратор Valery Frost

© Татьяна Хмельницкая, 2017
© Алекс Хелльвальд, 2017
© Valery Frost, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5305-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Остап

Алина шла впереди, раздвигая прутья деревьев и кустарников руками. В какой-то момент задела туеском для ягод, висящим у неё на руке, куст с тяжёлыми ветвями, и они больно хлестнули меня по груди. От неожиданности я зажмурился, а когда открыл глаза, рядом стояла она.

– Прости, не хотела.

– Я привычный, – кивнул, а Алинка развернулась и поплелась дальше.

Пришлось следовать за стройной фигуркой в камуфлированном костюме и армейских высоких ботинках. Из снаряжения, что взяла с собой Лина, у неё остался только туесок – захотела собрать ягод для компота и так, покушать. Я тащил оба рюкзака с привычной экипировкой для тайги: фонарик, спички, складной нож, всякая другая мелочёвка, что может пригодиться. Никто долго бродить не собирался, но на то и Россия-матушка, чтобы в самый неожиданный момент преподать урок и проверить человека на прочность.

Лето в этом году расстаралось, и тёплые дни, установившиеся в последней декаде июля, сохранились на весь август. Я взял на работе отпуск, у меня там ещё выпали дни сверхурочки. Короче: отдыхал, как никогда долго. Следующий год предстоял напряжённый – защита дипломной работы, а её ещё написать нужно. М-да...

Да, ладно, что там о грядущем, сейчас наслаждался жизнью, радовался каждому моменту. Впервые с детских лет съездил на юг. Поплавал в Чёрном море, позагорал. Но две недели, что там пробыл, показались слишком длинными. Рад был вернуться домой. А тут вдруг Алинка нарисовалась, да ещё так срочно. Точно: родители решили её сплавить ненадолго. Разговор по интернету с дядей Борей – отцом Линки – и нате вам, езжайте и забирайте: посылка упакована и штемпель проставлен! По срокам даже подготовиться не успевали, а рванули сразу за подругой дней моих суровых.

Да-а-а...

С Алиной мы знакомы с самого детства. Мне, наверное, лет пять было, когда приехали дорогие гости из Латвии. Наши отцы дружны, да ещё и заядлые охотники.

Я обрадовался переменам и тому, что у семейной пары – дяди Бори и тёти Светы – есть дочь всего на год старше меня. Очень надеялся, что подружусь с ней, и ждал с нетерпением. Но после получаса знакомства мы уже дрались. Я тогда впервые обозвал её «рыжей куклой», а она меня – «валенком». Но дети быстро ссорятся и так же быстро мирятся, потому две недели, что гостили Смородиновы, запомнились мне весьма ярко.

Ежегодно Алинка приезжала «поохотиться» с отцом, и жизнь превращалась в праздник. Ну кого я обманываю? Не каждый год был праздником. Пару лет придётся вычеркнуть. Мне тогда тринадцать исполнилось, а Алине – четырнадцать, вот тут-то и начались нестыковки в понимании друг друга. Через пару лет всё сравнялось, и снова возникли дружба и взаимопонимание, но, как говорится, осадочек-то остался.

Я улыбнулся воспоминаниям и глубоко вдохнул хвойный воздух. Над головой вдруг стала разоряться кукушка – другие птицы едва слышны на фоне её громких однотипных звуков.

Кто додумался спрашивать у неё годы жизни? И почему у неё, других птиц мало, что ли? Наверное, первая кукушка однажды нарвалась на романтика и с радостью предсказала ему долгую жизнь, а тот и растребал всем подряд. Хм... Я всех гадалок и ясновидящих в кукушки записал бы: тоже громко сообщают, а по делу – ничего.

Мы с Алиной пробирались «шаг в шаг» и я невольно любовался девушкой. Изменилась она. Всё вроде, как и раньше, на месте, не убрать – не прибавить, а подруга детства стала другой. Дядя Боря намекнул, что у неё какие-то проблемы или невроз – не знаю. Смысл

понял только папа, а я так, рядом стоял и просто взял под козырёк, что за Алиной требуется съездить.

Невроз у Линки, так невроз. Вон пусть лечится. Всё как в санатории: хвойный лес, речушка, общение с природой, старая компания. Пусть ягоды ест и экологически чистые продукты поглощает.

Из съедобных ягод в туеске у Алины только земляника. В тайге она появлялась одной из самых первых. Заблудиться в лесу Алина не боялась, шла бодро.

Вообще не похоже, чтобы у неё проблемы с головой были или с нервами, или ещё чем-то. Вглядывайся – не вглядывайся, а вполне здоровая на вид девушка, как и раньше: улыбчивая, временами язвительная. Уже успели мы друг с другом приветственными колкостями обменяться. Я был недоволен, что пришлось тащиться, а она – что вместо курорта к нам в глушь поехала.

Нет, ну, в самом деле, всё ещё на взводе хожу от такой вот беготни. Забрали её едва ли не с полдороги. А там мотать, да по бездорожью! Это не в их Латвиях по европейским дорогам ездить. Хорошо лето на дворе – сухо. А если бы дожди зарядили? Что тогда?

Конечно, я рад был увидеть Алину, но что-то не заладилось у нас самого начала. Не знаю, другая она приехала, не такая, как обычно. Была девчонка, как девчонка, а тут на тебе: красота рыжеволосая! Да ещё и подкальывает, подсмеивается, точно дразнит.

Эх, чего там говорить... Сейчас сам себе брюзжать начну, я тот ещё зануда. Вот так вот прям Алинка и сказала, что я – зануда, когда сошла с поезда.

Ни на тебе приветов, ни на тебе: «Рада видеть», а сразу: «Чего хмуришься?» Я ответил, что рано встал, дорога – не дорога. А она что-то лягнула, а потом: «Чего занудствуешь, и так тошно».

Нет, ну нормально, а? Вот прямо так и расплыться должен от радости, когда пятая точка отсижена!

– Ты чего сопишь, Остапушка? – обернулась ко мне Алина. – Неужели задумал меня тут бросить?

– С чего взяла?

– Так ты всегда сопишь, когда недоволен чем-то.

– Много ты помнишь...

– Достаточно. – Девушка остановилась и хитро прищурилась. – Помню, как проспорил мне и вокруг бани без штанов бегал. А ещё помню, как полез целоваться, да я тебе подзатыльник отвесила: ростом был ниже меня, а всё туда же – целоваться.

– Понял-понял, неожиданно стали изливаться воспоминания, и кран этот не заткнуть.

В кустах кто-то зашевелился, и раздался ворчливый мужской бас.

– Мужик в кустах? – хмыкнула девушка. – Что там забыл?

Я сбросил с плеча один рюкзак и сунул его Алине, та нахмурилась, приняла и посмотрела в сторону кустов.

– Нет, это не соседский мужик! Медведь... Хей! Э-ге-гей! Хей!

Мохнатый был чем-то очень занят. Хорошо. Но после моих криков устремился в лес.

– Пошли, – ухватив за руку девушку, потащил её в другую сторону. – Косолапый уединение любит, к нам не подойдёт. Давай обратно по берегу реки.

Алина кивнула и быстро пошла в направлении мелкой речушки – нашего местного достояния. В сухое, жаркое лето речушка мелела, но рыбёшка какая-никакая в ней водилась. Неделю назад нашу сторону посетил ливень, потому речонка с местным названием Переплюйка красиво извивалась между зелёных сосновых лесов.

Ветки нещадно хлестали по щекам, полный ягод туесок бил по бедру, но Алина спешила выбраться. Конечно, объяснять не нужно, каково это с медведем повстречаться. Проще

заявить ему о себе, предупредить – он и не тронет. Сорить урожаем она не боялась. Небольшой берестяной короб накрывался крышкой и обматывался верёвкой.

Овраг, ещё один, и мы вышли к речке. Алина припустила к ней, остановилась, стянула с головы платок. Что скрывать-то, ждал этого. С самого детства любил смотреть на игру рыжих прядей девчонки на солнце. Большую часть времени она ходила в бандане, сколько знал Алину, но после бани она сушила волосы, бегая со мной на полянке возле дома. Мне казалось, что пламя обнимает её тело, струится по плечам, футболке, ниспадая до ягодич.

Но словно мне назло, сегодня Алина стянула пряди в гладкую причёску, завернула в пучок. Вот и вся красота!

– Тьфу, – не выдержал я.

– Ты чего плюёшься? Слушай, я тут третий день, и третий день ты всем недоволен. Я тебе мешаю?

– Нет. Комары.

– А-а-а. Согласна, злые кровопийцы!

Мы потопали в сторону дома. Шли медленно. Я любовался Алиной, а она – природой.

Вот сняла платок и роднее стала, будто в детство вернулся к веснушчатой девчужке, с которой переписывался из года в год, от каникул до каникул. Интернет – наше всё в текущей жизни, вот и эксплуатировали его на всю катушку до определённого возраста. Потом как-то не до этого стало: у неё учёба, у меня... То да сё... Короче: растащила нас бытовая житуха, только на каникулах и виделись.

– Как учёба? – неожиданный вопрос в неподходящем месте в духе Алины.

– Нормально. В следующем году защищаю дипломную работу. У тебя как?

– Ай, так же. Женишься сразу небось? У вас тут едва ли не с пелёнок все женихаются, а потом, лет в семнадцать, замуж. Детей выводок потом...

– Да, уж чай не в Европах живём, – хмыкнул я. – Нам по клубам ходить некогда, дела делаем.

– Старая песня о главном, – развеселилась девушка. – Знакомо, знакомо. Я вон Анютку встретила, когда в лавку ходила, уже двое у неё, третьего ждёт. Мужем мне хвасталась – работающий, говорит.

– Симакову? Ну да. В полиции служит. На её свадьбе гулял.

– Слушай, а ты на мне бы женился?

Снова вопрос – странный вопрос из разряда любимых Алиной: достать до печенок.

– Так ведь у тебя латыш какой-то был. Как его... Имя такое...

– Ну и ты тут просто так в юнцах не задержался. Как там ту красу ненаглядную звали?..

– Хорош! Давай сворачивать разговор.

– Хорош, так хорош, – хмыкнула девушка.

Вдруг она остановилась, и мне пришлось. Мы стояли друг напротив друга, смотрели в глаза и...

Чёрт! Не знаю, что это было! Ерундовина какая-то, но вот захотелось прижать Рыжую к себе да поцеловать.

С ума сойти! Это ведь Алинка! Алинка – девчонка из моего детства!

– Глаза протрёшь, – грубо бросил я. – Топай. Недалеко уже.

В самом деле, мы подходили к дому. Я отсюда видел, что отец рубил дрова. Чего он? Обещал же: нарублю. Нет ведь! Сам начал.

Алина припустилась к дому. Влетела во двор и на бегу крикнула:

– Дядя Семён, банька готова?

– Давно вас дожидается! – крикнул ей вслед батя. – Я там веничков запарил. Ты гляди, Алька, хорошо отходи моего.

Тяжело дыша, Алина бежала по ступенькам на второй этаж, и только открыв дверь, обернулась на меня и погрозила кулачком:

– Я тебе так всыплю!

Мне только и осталось, что смотреть на закрывающуюся дверь, за которой скрылась подруга детства.

– Чего хмуришься, сын? – хмыкнул отец.

– Да с косолапым повстречались. По реке шли. Ты тут это... аккуратнее, ладно? Что-то расходились нынче медведи, хозяйничают.

На пороге появилась Алина. Она прытко сбежала с лестницы, держа в руках сумку-пакет.

Гладко причёсанные волосы Лины сейчас торчали в разные стороны скрученными веретеном прядями. Лёгкое ситцевое платье в горошек сменило недавний костюм.

Как же она прекрасна даже в таком виде! Нет, не так. Особенно в таком виде! Щёки полыхали зарницей, пухлые губки приоткрыты, а в ядовито-зелёных глазах лихорадочный блеск.

Ха, невроз! Так прямо невротики и выглядят. Не смешите мои пятки, всем бы так в припадках биться!

А может, латыш этот родителям девушки не нравится – вот они и решили их разлучить?

Нет, глупости. Романтические бредни для сопливых девчонок-подростков. Папа у Алинки тот ещё жук. Хваткий мужик, уцепится – не отпустит. Я думаю, не было никакого бы у подружки латыша, если бы дяде Боре он не понравился. Тут что-то другое...

– Лина! Что с тобой произошло там, в лесу? – спросил мой отец тихим требовательным голосом.

– Всё хорошо, – звонко отозвалась она. – Прогулялись. Медведя встретили, ягод набрали. Потом компот сварю.

– Лучше так съешь, с молоком, – хмыкнул папа. – Так оно полезнее.

– Банька истоплена, вашество! Извольте идти париться и купаться, – паясничал я. – Не побрезгуйте, душа-девица.

– Да куда уж там, брезговать-то, батенька. Чай видала себя в зеркале. Пора уж и до порядку себя довести.

Тон Алины выглядел реконструкцией к событиям прошлого, и меня это рассмешило.

– Так почто глазки строим, а не в баньку идём? – подыграл я и пошёл первым.

Баня находилась на краю участка, прямо возле Переплюйки. Дверь со стороны реки смотрела прямо на лес. Ощущение благодати, уединённости чувствовалась во всём: дубовом, грубо сколоченном крыльце, добротном и мощном; в столе; хвойном дереве, что накрывало ветками крышу сруба; в небольшом окошке, через которое внутри баньки мир казался широким и ненастоящим.

– Я первая, – бросила Алина и скрылась за углом бани.

Не торопился: пусть переоденется в купальник.

Малость выждав, отправился следом, но в какой-то момент постеснялся распахнуть дверь в предбанник, пришлось стучать.

– Кто? – резким тоном спросила Лина.

Это был риторический вопрос. Никого, кроме меня, здесь быть не могло.

– Готова? – спокойным и уверенным тоном произнёс я, шагнув через порог.

Намеренно равнодушным взглядом мазнул по лицу и фигуре девушки. Чего мне стоил такой взгляд, знал только я.

Алина стояла с распущенными волосами, словно богиня утренней зари. В солнечных лучах, проскальзывавших сквозь стекло окна, её рыжие волосы горели неугасаемым пламенем.

Так захотелось запустить в них руки и просеять сквозь пальцы, словно причёсывая гребнем!

Опомнился. Стиснул кулаки, чтобы невзначай не дать рукам воли. Терпеть не мог «зализанные» волосы Алины. Она же, как назло, постоянно сооружала эти солдафонские причёски, наводя уныние.

– Линка! – не выдержав, рывкнул я и шагнул вперёд, приближаясь к ней.

Девушка всхлипнула и кинулась мне на шею, сотрясаясь в беззвучных рыданиях. Я обалдел.

Что такого могло произойти? Только из ряда вон выходящее. В мирное время из Лины слёз не выдавишь. Она не девка, а сорванец!

– Линочка, – прошептал я, поглаживая подругу по спине, пытаюсь успокоить. – Солнышко рыжее, ну что ты? Всё хорошо.

Стоять так близко к ней, получить шанс и не воспользоваться им? Может быть, я гад, но не дурак!

Алина подняла мокрое от слёз лицо и заглянула мне в глаза. Её взор пронизывал насквозь, проникая в самую глубину души.

Чёрт! Да что происходит?

Судорожно всхлипнув, Лина шмыгнула носом, но взгляда не отвела. В её глазах вспыхнул хищный огонёк. Я не успел сообразить: к добру ли это? Лина набросилась на мои губы своим ртом и впиалась жадным поцелуем. Инстинктивно откликнулся и принял щедрое подношение подруги.

Мы целовались, точно одержимые. Пили страсть друг друга, словно родниковую воду, и не могли ею напиться. Желание раскалённой лавой пробежало по сосудам и венам, распалая и грозя взорвать меня изнутри.

– Лина, мы вроде париться собрались.

Твою дивизию! Я отпрянул от девушки. Это самое разумное сейчас, а иначе таких дров наломаем! Нельзя: подруга детства.

Алина отскочила, ошалело взглянув на меня, но кивнула. Я зачерпнул ковшом воду из ведра и отпил. Девушка скрылась за дверью парилки.

М-да-а, дела! На подруг набрасываться стал – совсем ополоумел. Как парить-то её после такого?

Я подошёл к двери и крикнул:

– Ты готова?

– Да! Заходи!

Скинув с себя верхнюю одежду в предбаннике, я вошёл внутрь. Парилка дыхла на меня сухим, еле терпимым жаром. Опалила ноздри, горло и глаза.

– Ну, давай полезай уже на полку.

Алина молча побрела к липовому полку, возвышавшемуся над полом сантиметров на восемьдесят. Потемневшее со временем дерево было идеальным для лежания в раскалённом чреве бани. Его ничуть не трогала палящая вокруг атмосфера. Теплопроводность липы низкая и на ней можно лежать даже без простыни, голышом.

Зараза! Вот чего мне о звёздах не думается? Всё бабы голышом видятся. Надел, идиот, плавки в обтяжку! Теперь не скрыть взбудораженного состояния. Я сюда в баню пришёл, мыться-париться, а не...

На глаза попало полотенце. Быстро обернул его вокруг бёдер.

Мазнув по мне цепким взглядом, девушка отвернулась, неслышно выдыхая и принимая удобную позу на лежанке.

Лина уже взобралась на широкий полоч и была готова к экзекуции крапивно-дубовыми венниками. Они стояли замоченными в кадучке под полкой и дожидались своего часа.

Я восхищённо ласкал взглядом стройную фигурку Алины, прикрытую лишь лоскутками и верёвочками бикини, нисколько не мешавшими обзору. Её хрупкость была только видимостью. На самом деле, тело подруги крепкое, тренированное, без единого грамма жира. Сильные, длинные и точёные ноги притягивали взгляд.

Я сглотнул и нагнулся за веником. Стряхнув кипяток с дубовых листиков, приступил к делу. Ух, я и бил её, любуясь гладкой кожей в капельках воды и пота. От моих ударов она становилась атласной.

– Раздухарил, Оська! – задохнувшись, закашлялась Лина.

– Терпи, Линка! – выдохнул я, но дверь в предбанник открыл, чтобы пустить прохладного воздуха.

Разомлевшая от процедуры Алина мурлыкала, постанывала и покрикивала на меня, чтобы не прохладился, а работал веником интенсивнее.

Я вновь обмакнул его в кипяток и, встряхнув, принялся постукивать зарвавшуюся подругу с удвоенным усердием. Но вместо мольбы о помощи, слышал только её эротические вздохи.

Нет, это насколько же нужно быть железобетонным, чтобы всё это спокойно переносить!

Вероятно, от жары я просто перестал отделять мечты от действительности. Место, которого недавно касался веником, теперь поглаживал пальцами. Порозовевшая горячая кожа Лины была гладкой и влажной. Мои пальцы по-хозяйски скользили по телу девушки. И я понимал: ей нравилось. Стоны Алины стали громче и призывнее.

Конечно, «безумству храбрых поём мы песню» но я старательно избегал прикосновений к выпуклым притягательным ягодицам искусительницы, слегка прикрытым трусиками купальника. Подушечками пальцев я проходил лишь по границе кромки ткани с кожей. В нетерпении девушка приподняла аккуратную попку, недвусмысленно показывая мне свои намерения.

Терпение, Остап! Тебе воздастся! Удар хватит – не беда! Зато потом всё будет тип-топ.

Алинка проворно перевернулась с живота на спину, обожгла меня похотливым взглядом.

Да что ж она делает?!

Словно ничего не было, Алина прикрыла веки, закинула руки за голову и запрокинула голову. Смочив веник, я вновь приступил к процедуре, лишь стиснув плотнее зубы.

Небольшие крепкие холмики груди с зазывно топорщившимися под тканью сосками, словно магнитом, притягивали к себе мой взгляд. Очень хотелось сдёрнуть клочок трикотажного недоразумения и вобрать одну из твёрдых горошин в рот.

Размахивая веником, я мысленно застонал, почувствовав, как к паху приливает кровь. Окаменевший пенис требовал немедленно жертвоприношения. Жертва лежала передо мной, распластанная и полураздетая. Хотелось дёрнуть завязки на трусиках купальника и...

Давай же! Вот же всё...

Ахтунг!

Тряхнув головой, чтобы отвести дурман наваждения, я продолжил лечебный массаж, щедро ударяя веником по икрам Лины.

– Довольно, – капризно протянула девушка, приподнявшись на локтях.

Она села, свесив ноги с полка, и соскользнула вниз, касаясь моего тела. Придерживая девушку за талию, я интуитивно прижал её к себе крепче. Алина тут же обвила мою шею руками и, пристав на цыпочки, потянулась к губам.

– Линка, я не каменный, – прорычал я, пытаясь отстраниться от её манящих и вкусных губ.

– Уверен? – метнув исподлобья пронзительный взгляд, насмешливо спросила Алина.

Вместо ответа впился в её губы страстным, сметающим все обоюдные сомнения поцелуем. Веник полетел к чертям собачьим! За ним последовали обрывки бюстика и трусиков Лины.

Я жадно и властно исследовал ладонями вожаделенное девичье тело. В ответ на мои поглаживания Лина страстно выгибалась и стонала. Наши языки сплетались, словно змеи в брачном танце.

Пройдясь по плоскому животу рукой, я коснулся треугольника волос между ног девушки. Алина затаила дыхание в ожидании моих прикосновений там. Мои пальцы нырнули во влажную расселину и погрузились вглубь женского естества.

Лина громко и страстно вскрикнула, откинув голову назад, подалась навстречу моим пальцам, играющим с её клитором.

Я отбросил полотенце, спустил с себя плавки и отшвырнул их в сторону.

Моему терпению пришёл конец. Теперь я отыграюсь за все стоны и поглаживания.

Крепко поцеловав Лину, я развернул её к себе спиной и, обвинив одной рукой за талию, второй принудил её упереться руками в пол. Алина охнула и призывно прислонилась попой к моему пылающему твёрдому органу.

Шумно вдохнув горячий воздух, я мощным движением вогнал свой пенис во влажное лоно Лины. Мы замерли, ловя необыкновенные ощущения.

Я напишу тебе по первое число!

Мы ожили и начали двигаться навстречу друг другу короткими резкими движениями. Я чувствовал, что оба жаждали быстрой и яркой развязки. Она не заставила себя долго ждать и накрыла шквалом острых ощущений.

Когда мышцы девушки плотным кольцом сжали моё мужское естество, перестав сокращаться, я резко вышел из неё и плотно прижался к ней сзади. Не желал непредвиденных последствий нахлынувшего безумия.

Оргазм стих, я развернул к себе обмякшую довольную Алинку и нежно поцеловал. Она ответила мне ласковым поцелуем и, отстранившись, сыто улыбнулась.

– Ложись, Остапушка, теперь я тебя буду бить... любя, – порочным шёпотом произнесла Алина.

Предварительно окатив друг друга прохладной водой, мы поменялись местами. Лина с энтузиазмом порола меня вениками, а я чувствовал, как тело расслабляется, наступает блаженство.

– Переворачивайся, – скомандовала девушка.

Пришлось подчиниться и улечься на спину. Конечно, я был готов и готов ко многому.

– Ого! Да, нам сегодня дважды повезёт, – вобрав в кулачок мой вздыбившийся пенис, Линка начала двигать рукой, заставляя меня закусить губу и стонать от нахлынувшего удовольствия. Её грудки подпрыгивали от резких движений, и меня это несказанно возбуждало.

Лина судорожно облизнулась. Веник полетел на пол, а она взобралась на меня верхом, немного наклонилась вперед, чтобы я мог целовать и посасывать её соски. Когда она внезапно вырвалась и прогнулась, я пальцем нащупал её клитор и стал гладить, чтобы доставить удовольствие.

Алинка стонала, выгибалась сильнее.

В какой-то момент она набросилась на меня, ласкала губами шею, пока я наслаждался поглаживанием и похлопыванием её упругих ягодиц.

– Сядь на меня, – попросил я, и девушка подчинилась.

На этот раз мы двигались плавно, неспешно, стараясь доставить друг другу максимум наслаждения. Мои ладони медленно перемещались по телу Алины. Тягучие, словно мёд, скольжения Лины превратились в сумасшедший темп. Я обезумел, но в последний момент подхватил Линку за попку и, выйдя из неё, излился.

– Ты как? – просипел я.

– Доделай руками.

Уложив Лину и прижав к себе, я втянул в рот её сосок, а рукой стал гладить клитор, увеличивая темп. Лина сжала бёдра и затряслась от нахлынувшей разрядки.

Мы лежали в объятьях друг друга, целовались и улыбались.

– Жаркая сегодня банька у нас получилась, Ося, – томно прошептала Алина, нежно целуя меня в плечо.

Да уж, жарче только в аду. Пожалуй, там и буду гореть за соvrащение подруги детства. Совсем сдурел, полез...

На кого полез!

Я поцеловал утомлённую девушку в мокрую макушку, поднялся, подошёл к бочке с холодной водой. Взяв ведро, погрузил его на дно.

Повернуться к Алине не мог – стыдно. Не удержал своего Ретивого. Да куда там сдержать, полез тут с выкрутасами...

Фу-у-ух. Идиот!

Достав полное ведро, опрокинул его на себя, вылив всю воду, едва не заорал от обжигающего кожу холода. А потом снова моё тело обступил жар бани.

Ну всё, такие дела не по мне, пора на воздух – прийти в себя.

Глава 2. Алина

Остап, словно ужаленный, вылетел из бани, наскоро одевшись и едва вытерев волосы. И чего, спрашивается, взвился? Ну, переспали, с кем не бывает? Хотя для Остапа «переспали» и «с кем не бывает» – дамоклов меч. Сразу все нормальные инстинкты в нём отрубает. Будет ходить, переживать, хмуриться. Знаю его как облупленного.

В мире толерантности, в котором жила, Оська мне роднее и ближе. С большим удовольствием приезжала в гости и словно душой очищалась. Как-то всё в его голове правильно, просто: «да», «нет», «не знаю». Дело не в предсказуемости, а именно в чистоте эмоций.

Ухмыльнувшись, сладко потянулась.

Эх, хорош он в деле! Сильный, напористый и в то же время внимательный. Надо же, а с виду не скажешь о нём, что мастер. Интересно, сколько девчонок до этого у него было?

Стоп! Что это я? Какая мне разница? Были и были у него подруги, подумаешь! Я же не замуж за него собралась. Впрочем, замуж в ближайшее время и не соберусь. Зигурд очень разозлился на меня, что отказалась ехать с ним на оплаченный курорт, и в тайгу со мной отправиться не пожелал. Характер у бывшего парня очень сложный, полгода отходить будет. Потом пройдет ещё полгода, а там уже снова можно готовиться к его визиту с предложением сойтись в который раз.

Вообще странно, что я его терпела. Мы с Зигурдом около пяти лет вместе. Сначала всё хорошо было, но позже... Расставались, снова встречались – абсурд. Я пока сюда ехала, размышляла на тему наших отношений и пришла к выводу: изжили они себя.

Ха! Зигурд и не знает, что я его бросила. Ладно, через полгода узнает – не первый раз к свадьбе с ним готовилась.

В предбаннике пахло мятой и сушёной листвой брусники. На широкой лавке со спинкой лежало скомканное полотенце – Оська, видимо, оставил. Отодвинула ткань в сторону, уселась. Туго отжала волосы махровым полотенцем и теперь, тщательно расчёсывая их, размышляла над тем, что это на меня нашло. Похоже, давно не было ни с кем близости.

Приятель никогда не интересовал меня с интимной стороны дела. Я часто приезжала сюда раньше, и мы просто дурачились вместе – сорванцы-мальчишки, не иначе. А Оську спровоцировала сначала ради интереса, уж очень он жёсткий стал, такой прям настоящий мужик! Потом осознала, что хочу перевести наши отношения с ним из дружеских в партнёрские. Я, как только с поезда сошла, увидела встречавшего меня Остапа, так сразу и поняла: всему быть, а там посмотрим.

Воспоминания окунули меня в детство и погрузили в тёплую зыбкую колыбель.

Остап... Оська. Друг детства.

Помню его тощим угловатым пареньком, каких охотками в каждом городке или селе. Неприметный и молчаливый. Тем не менее, надёжный друг и заводила во всех наших вылазках. На меня он смотрел, как на сестру. Да и что во мне могло заинтересовать тогда хоть какого-нибудь мальчишку? Рыжее, лохматое, шуплое, длинное и несуразное, с веснушчатым лицом и розовыми крупными губами – Недоразумение. Единственной моей гордостью были зелёные, словно горный малахит, глаза. Конечно, про глаза со слов Оськи, но я ему верила, ведь многие про них говорили папе, когда приезжал со мной. Тётки деревенские пророчили, бог знает, какие страсти.

Встала со скамьи, посмотрелась в маленькое зеркальце, привинченное крупными шурупами к двери в баню. Оказывается, задумавшись, я снова заплела волосы в тугую косу и безотчетно теребила сейчас её кончик.

– Лина, чего там застряла? – в распахнувшуюся дверь предбанника просунулась голова Оськи.

При виде меня парень поморщился, поджал губы. Такой реакции не ожидала. Не особенно к чему-то готовилась, но чтобы так! Меня кинуло в жар от возмущения.

– Чего кривишься, сожалеешь о случившемся? – с досады, не подумав, ляпнула я.

– С чего бы это? – вызывающе спросил парень.

Он обдал меня огненным взглядом карих глаз из-под густой челки. Протиснулся в приоткрытую дверь и облокотился о притолоку, скрестив руки на груди, поигрывая крепкими бицепсами. Знала, что приобрёл он их не в «качалке» спортзала, а суровым мужским трудом. Дядя Семён устроил его разнорабочим на стройку в городе. Хотя какой там город – населённый пункт городского типа, вот это что.

Как хорош! Выше меня ростом. Каштановые, коротко стриженные волосы с рваной чёлкой, постоянно падающей на лоб. Крупные мягкие губы. Нос с горбинкой, вероятно, сломанный в какой-нибудь уличной драке в подростковом возрасте. К сожалению, этот момент биографии друга я упустила. Просто в один год приехала – нос был нормальный, на следующий – такой, как сейчас. Сколько ни спрашивала – не говорит.

Чёрт, да что это со мной?

Нервно выдохнув, я облизнулась. Увидев этот жест, Остап дёрнулся, как от удара и, быстро отлепившись от дверного косяка, тут же оказался возле меня. Его взор разгорался, как пламя из угольков.

– Я не жалею о случившемся, – произнёс друг. – Пойми: неправильно всё это.

– Ты – парень, я – девушка, и что неправильного? Вот если бы мы были однополыми, то тогда... Хотя возможны варианты.

Я хохотнула.

– Насмотрелась там, в своих Европах.

– Не поверишь, даже на нудистов насмотрелась. Бывший парень очень любил меня водить на их пляж.

– Бывший? – снова брови друга сошлись на переносице.

– Это меняет дело? – я провела ладонью по его груди.

Друг резко привлёк меня к себе, обвив одной рукой талию, второй – шею, и крепко поцеловал.

Мир дрогнул и завертелся вокруг нас волчком. В нос хлынул запах чистого мужского тела, дубового и крапивного аромата, горящих дров, смородиновых листьев.

Жуть. Никогда не обладала таким чутким обонянием. А тут вдруг...

Поцелуй углубился, стал нежнее и неспешнее. Руки парня поверх платья всё настойчивее гладили мою грудь, повторяя её очертания. Мои соски горели, моля о том, чтобы к ним прикоснулись его руки, а лоно уже ныло от желания ощутить в себе могучий крепкий ствол мужского достоинства.

Найдя пояс его тренировочных штанов, я просунула внутрь них свою руку и нащупала набухшую обнажённую плоть парня.

Он что, без плавок?

– Линка, перестань! – прошипел Остап.

Он отстранился, пытаясь вытащить свой член из моих цепких пальчиков.

Снова-здорово! Опять он, точно пуганый медведь, готов сбежать. Вот ведь! Потом ещё изводит себя начнёт, задаваться вопросом: «Быть или не быть?». Впрочем, в случае текущего момента: «Заняться сексом или не заняться?»

Зануда!

Я озорно хихикнула и крепче схватила его достоинство у основания, вырвав из Оськи сладостный стон. Непроизвольно он потёрся членом, протискиваясь сквозь кольцо моих пальцев. Увеличившись в размерах, его орган горел желанием оказаться у меня внутри. Это

подтверждала лёгкая дрожь, проходившая вдоль всей его длины, и капелька, выступившая на головке.

И тут меня осенило: Остап Кудрявцев свободен от обязательств по отношению к другим девушкам. Если не так, тогда какого лешего его так заводит?

Парень тяжело дышал, вздымая крепкую грудь, словно кузнечные меха, а его взор полыхал жадной обладания мною. Я снова прильнула к его губам, одновременно совершая быстрые движения рукой, стимулируя его желание.

– Ли-и-и-на, – протяжно произнёс Остап. – Хочу. Тебя.

Он начал раздевать меня. Легко подняла руки, и он едва ли не сорвал с меня платье. Кажется, даже раздался треск шовных ниток.

– И получу прямо здесь, – прорычал он, запирая дверь на шпингалет и освобождаясь от треников, присаживаясь обратно на скамью.

– Да, Остапушка, здесь, – страстно откликнулась я и потёрлась напрягшейся грудью об обнажённую грудь приятеля.

Остап уложил меня на широкую скамью и накрыл своим сильным телом, разместившись между моих ног. Он припал к одному из зазывно торчащих сосков и слегка прикусил его, вызвав жаркий отклик внутри моего тела. Я вскрикнула. Тут же вторая упругая горошина удостоилась той же участи, и я почувствовала, как моё лоно увлажнилось, а по нему словно потекла горячая лава.

Взглянув мне в глаза, Ося порочно улыбнулся и провёл рукой между моих ног, погладив пальцами взбудораженный шарик клитора. Я охнула и со стоном подалась навстречу ласке. Он охотно повторил свои манёвры, ещё больше возбуждая меня.

Остап развёл пальцами складочки, закрывавшие вход в мои глубины, и плавно ввёл туда свой горячий жезл страсти, а я захлебнулась от восторга.

Откуда во мне такое влечение и нестерпимое желание обладать этим парнем?

Мне уже всё равно. Он так хорошо это делает, пусть только не останавливается!

– А-а-а-а-ах!

Жаркие волны бушевали, перекатываясь по моему телу, перерастая в шторм. Задыхаясь от вожделения, я толкалась ему навстречу, старалась стать максимально ближе и ощутить весь напор энергии, прилившей к его пенису.

– Да! – выкрикнула я. – Да! Не останавливайся! Ещё! Ещё! Ещё!

Тело начало сотрясаться от возбуждения и близости развязки. Остап не прекращал ритмичных движений, подгоняя моё тело к разрядке.

Всё-о-о-о!

Остап накрыл мой рот ладонью, а я захватила его палец зубками, облизала языком. Реальность взорвалась миллионами искристых брызг и огласилась моим протяжным криком.

Подождав, когда мои горячие спазмы стихнут, Остап вошёл в меня ещё раз на всю длину его мужского орудия и, вскрикнув, вышел из моего лона.

Парень отстранился от меня, тяжело дыша, поцеловал нежно и горячо. Затем встал, прошёлся по предбаннику. Остановился возле рубленой двери, упёрся в наличник руками, тряхнул головой. Он стоял ко мне спиной, и лица его видеть я не могла, впрочем, понять такую странную реакцию – тоже.

Случилось и случилось, что переживать-то?

Впрочем, придётся потратить время на то, чтобы ему это объяснить. Пускай, будем напрягаться, растолковывать, подбадривать и... поощрять, пока в его голове не укрепится мысль, что сие есть норма.

Остап сел на скамью, оделся. Помог надеть платье мне и, взяв за руку, увлёк за собой из бани.

– Вода уже вскипела, чай заварился. Пойдём чаёвничать, Линка, – сказал он всё ещё хриплым голосом.

Парень шёл быстрым размашистым шагом, так что я едва поспевала за ним, семеня рядом, как ребёнок за взрослым.

Какой такой взрослый? Я старше его на год!

Солнце стояло высоко – полдень. Я смотрела под ноги, торопясь угнаться за Оськой, и чувствовала себя странно. Конечно, после такого удачного «марафона», что мы устроили с другом в баньке, кто угодно ощутит себя необычно.

Чего уж там – дали мы жару во всех смыслах!

Но, переступив порог, я почувствовала себя другой, и мир вокруг изменился. Он расщепился на тысячи разных звуков, тонов и полутонов, которые раньше сочла бы просто гулом, шумом леса. Я словно слышала каждую пичугу в лесу не в какофонии птичьих голосов, а будто она пела соло.

Ничего себе взбодрилась! Я бы даже сказала: встряхнулась и наизнанку вывернулась. Теперь каждым нервом, каждой клеткой принимала лес, поляну, живность, солнце, воду...

Дядя Семён проводил нас задумчивым взглядом и продолжил копаться в сарае, что-то там мастеря. Хороший человек, работающий, серьёзный. Всегда при деле, чем-то занят.

Стремительно преодолев двор, мы оказались на крыльце дома. Всё так же, держа за руку, Оська втащил меня в добротную избу. Нет – дом. С трудом можно назвать этот высокий двухэтажный терем избушкой.

Я хихикнула. Мысли сегодня, как тараканы, бегали в голове и щекотали лапками.

Не замечала раньше, что жилище так пахнет. Сколько бывала тут, а не чувствовала стойкого аромата трав для чая, которые сушил на зиму дядя Семён, мелко порезанного укропа, расстеленного на старой газете. Запаха постиранных в мыльной воде мужских вещей.

Странно: мыло забивало дух пота, но не до конца искореняло его.

Кровь?

Точно – кровь. Несёт очень сильно, через окно.

Курица?

Воображение услужливо нарисовало картинку опускающегося на тонкую шею острия топора. Или я, правда, видела забивание птицы, топя сюда от баньки?

Нет. Соседский дом отсюда не виден – его загораживали хоромы дяди Семёна.

Остап усадил меня за большой дубовый стол в кухне, из краника самовара налил обжигающе горячий душистый чай.

– Всё же смородина, – обронила я вслух, подтверждая свои мысли, пришедшие в бане.

Парень кивнул и в молчании налил себе чаю.

Вначале разговор совершенно не клеился. Мы пили ароматный напиток вприкуску с пряниками и баранками, помалкивали. Тишина не тяготила, а была тёплой и уютной. В самый раз для отдыха после парной.

Я снова хихикнула.

– А помнишь, как я испугалась козы, а ты меня спас? – снова возвращаясь в детство, спросила Остапа.

– Угу, – хмыкнул он. – Пришлось лезть на ель, почти до самой её макушки, чтобы тебя снять. А потом долго очищать от иголок и смолы. Ты сама была похожа на ёлку. Маленькую и хилую, с мелкими шишками в волосах.

– Ой, кто бы говорил! – подхватила я и, посмеиваясь, парировала его шпильку: – Сам-то был не толще щепки.

Наглец расхохотался:

– Хорош, если бы не я, сидеть бы тебе там до сих пор!

– Слезла бы! – заносчиво ответила ему и показала язык. – Есть захотела б и слезла!
В кухню вошёл хмурый дядя Семён, прервав наше веселье.

Вмиг стало неприятно, и я напряглась. Смех как рукой сняло. От тягостного предчувствия засосало под ложечкой. Метнула испуганный взгляд на Остапа. Он тоже изменился в лице, его взор стал настороженным и внимательным.

– Вот что, ребяташки, – произнёс Семён Георгиевич, грузно садясь на стул. – Борис прислал мне эсэмэмску. Собирайте-ка живо ваши вещи и уходите на дальнюю заимку. Остап, останешься с Алькой. Там переночуете и дуйте в санаторий. Лина, отец велел тебе забрать какой-то пакет у сторожа.

– У Егорыча? – сказала я, кивнув для убедительности.

– Да, – подтвердил дядя Семён. – Что внутри, я не знаю, Борька не уточнил. Сдаётся мне, что там у них стряслось что-то серьёзное. Не теряйте времени на пустые разговоры!

Я уже поднялась, собираясь бежать в комнату, как запиликал мой телефон, лежащий на подоконнике. Мазнула пальчиком по экрану, активировав его, открыла сообщение.

– Что за абракадабра? – с натянутой улыбкой произнесла я. – Это шифр папы.

Повторно прочитала короткое письмо с номера телефона отца.

Мне стало странно: плохо и хорошо одновременно. Будто я долго собирала пазл, и он сложился. Я обрела ясность ума. Мороз прошёлся по коже – пробрал до костей. В глазах потемнело, а кухня исчезла, осталась только чернота...

Я пришла в себя от резкого противного запаха. Было мягко и жарко. Кто-то бережно сжимал меня в своих объятиях.

– Остап? – позвала я, садясь и растирая лицо руками, чтобы смахнуть неясную пелену с глаз.

– Я тут, – раздался его голос над моим ухом.

Дыхание парня обдало теплом ушную раковину. Остап поддерживал меня сзади, видимо, чтобы я снова не грохнулась. Тут же обрелся и дядя Семён. Он убрал от моего носа ватку с нашатырём.

– Очнулась, – облегчённо выдохнул друг отца. – Как ты, девочка?

В голосе слышалась усталость.

– Н-нормально... Наверное, – растерянно ответила я, чуть заикаясь и всё ещё пытаюсь понять, что произошло.

Мы уже находились в гостиной. Тихо работал телевизор, вещая народу новости мира и страны. Ося сидел, облокотившись на спинку дивана, и нежно прижимал меня к себе.

– Напугала-то как! – пожурил меня отец Остапа, поднимаясь с табуретки, стоявшей рядом.

– Я больше так не буду... скорее всего, – неуверенно пообещала я. – Постараюсь.

Дядя Семён подал мне стакан с травянистым отваром и пояснил:

– Держи. Успокоительное.

– Я вам не барышня какая-то! – взбрыкнула, пытаюсь отодвинуть ёмкость с травой.

– Пей-пей, – понукая, словно ребёнка, сказал Оська, подталкивая мою руку к губам и принуждая употребить снадобье.

Поняв, что сопротивление бесполезно, залпом выпила щедрое подношение.

– Умница, – похвалил друг отца, отбирая стакан.

– ...Сегодня в своей квартире были обнаружены два трупа: мужчина и женщина. – На экране появилось изображение моего дома и подъезда. Его ни с чем не перепутаешь – постройка начала прошлого века, стиль – классицизм. Крупным планом выхватили адрес на фасаде. Мы хоть и жили в Латвии, но на месяц-два приезжали в квартиру в Москве. Папа обычно шутил, что хотел надышаться воздухом родины, чтобы потом снова отбывать «повинность» на фирме, в которой работал.

– Они были зверски убиты. Преступникам удалось скрыться. Личности убитых установлены. Это известная предпринимательница и её муж – учёный, биолог. На видеозаписи, снятой камерой в подъезде дома, хорошо видно, что преступники вошли в дом и поднялись на седьмой этаж. Один из бандитов оказался девушкой. Описание соседей, видевших парочку, подходит под описание дочери предпринимательницы и её мужа.

В кадре показалась дверь с номером моей квартиры. Я занервничала. Не знаю, на что надеялась, может, на ошибку? Совпадение? Мало ли домов и квартир с таким же номером. . .

Вездесущий оператор прошёл внутрь, показывая разруху, кровь, лохмотья, обрывки. Словно там побывал Джек-потрошитель и порубил всё, что двигалось и не двигалось, гигантским топором. Я с ужасом узнавала и не узнавала очертания своего родного и теперь такого недосягаемого отчего дома.

Камера остановилась на расколоте надвое компьютерном кресле, залитом чьей-то кровью, с очерченным мелом силуэтом. В кадре рядом с креслом на полу – такой же силуэт. И море. . . Нет – океан крови.

Я тяжело сглотнула. Глаза вновь застлала пелена, а по щекам текли слёзы. Меня затошнило, и стала бить крупная дрожь.

Нет! Пусть будет так, что родителей не было дома в тот страшный миг!

Жаль тех, кто погиб!

– Это были не мои родители! – оказывается, я кричала во весь голос.

Остап сдавил меня в тисках стальных объятий. Он держал, а я вырывалась, билась в его руках, сопротивлялась. Хотела убежать, куда глаза глядят. . . Или не глядят. . . Как этого хотела я.

Надолго меня не хватило – обессилела. Остап положил меня на диван, вытер ладонью мои щёки. Я смотрела в потолок, пытаюсь отрешиться от всего, выкинуть из головы страшный сюжет.

Родители живы. Это убили кого-то другого. Они живы.

– Оська, живо собирайся сам и вещи Альки прихвати, – резко скомандовал бледный дядя Семён. – С минуты на минуту тут могут быть полицейские. Бегите, дети, я вас прикрою. Отвлеку их. Скажу, что вы на охоту ушли, будете лишь завтра.

Остап метнулся вверх в наши комнаты – я слышала топот на ступенях. Всё никак не могла взять в толк, чего они с отцом переполошились? Зачем нам уходить? Убили не моих родителей. Папа мне эсэмэску прислал – значит жив. И мама жива, как она может умереть? Никак.

– Давай вставай, детонька, спеши, – поднимая меня за плечи и усаживая, сказал дядя Семён.

– На охоту? – спросила я.

Ося нахмурился. Почему? На охоту ведь пойдём. Или опять будет припоминать мне что-то из детства?

Он снова стоял в гостиной, уже с двумя рюкзаками, и протягивал мне походную экипировку.

– На охоту, деточка, на охоту.

Клацая зубами, я стала судорожно натягивать на себя штаны и гимнастёрку, хлопковые носки и боты на шнуровке. Мне было всё равно, отвернулись мужики или смотрят на то, как я негнушима пальцами пытаюсь завязать бантики на шнурках.

Я не могла поверить в реальность происшедшего. Ещё недавно казавшаяся мирной и безмятежной жизнь, сделав резкий финт, повернулась ко мне своим филейным местом. Рухнуло всё, что долгие десятилетия выстраивал отец, о чём заботилась мать. . .

В нашем московском доме произошло убийство, и я – подозреваемая. Не я, конечно, а девушка, похожая на меня. Родители, наверное, переполошились.

Столько крови...

Бедная мама, она не сможет там ночевать. Папа о гостинице, думаю, позаботится. Они всегда друг о друге заботились.

Почему я говорю в прошедшем времени? Мои родители живы!

Живы, чёрт возьми!

Присев «на дорожку», прощаясь, мы обнялись с дядей Семёном. Увидимся ли мы ещё когда-нибудь? Наверное, нет! В новостях объявили, что я под подозрением и в бегах! Стиснув зубы, подавила слёзы жалости к себе. Дождавшись Остапа, вышла следом. Мы направились по тропе, уводящей в лес, в безопасность.

Оська снова взвалил оба наших рюкзака на себя, а я шла налегке, только туесок из берёсты болтался на бедре, пристёгнутый к поясу. Куда же в лес, да без него? Ни ягод, ни грибов не набрать...

В голове снова возникла страшная картина из репортажа: кровь, очерченные мелом силуэты...

Мои родители живы!

Не думать о том, что произошло в квартире! Следствие проведут, и мы встретимся.

После яркого солнечного дня полумрак леса давил на нервы и отражал моё внутреннее состояние. Надо же, уже стемнело. Странно, когда пили чай, был полдень. Ничего себе я отключилась. Теперь понимаю, отчего дядя Семён выглядел таким бледным. Побелеешь тут, когда гости в обмороки падают.

Я принюхалась. Пахло кострами, затопленной соседской баней, еловыми шишками, телом Остапа. Он шёл впереди без фонарика. Впрочем, какой фонарик, если луна в полнеба? Только в таёжной глуши можно увидеть настолько яркие звёзды, а ещё, пожалуй, на море. До моря далеко, а тайга – вот она, тут.

Глава 3. Остап

Мы двигались в сторону оврага. Собирался провести Линку по его дну, а потом вскарабкаться наверх. Далее – правее и прямо, примерно пару километров. Жаль, топали в ночь, могли бы сразу в санаторий махнуть.

Там хорошо, уединённо. Давно прикрыли территорию за ненужностью, никто денег вкладывать не хотел. Владелец – местное здравоохранение, но и ему дела нет. Всего персонала – директор да смотритель. Корпуса стоят в хорошем состоянии: Егорыч следит, чтобы не растащили добро.

Отец Алины часто к нему навещался, и мы за компанию. Оказывается, знали друг друга мой отец, дядя Боря и местный сторож сто лет: вместе работали. В девяностые контору закрыли, Егорыч подался в наши края, как и мой отец, а дядя Борис ушёл годом раньше – его пригласили работать в Латвию, на немецкий концерн.

М-да. По Андрею Егоровичу сейчас и не скажешь, что был он когда-то научным сотрудником, да ещё и степени какие-то там имел. Любитель ватников, валенок и губной гармошки. Ему лет семьдесят, наверное... Бодро держится: на лице почти нет морщин, подтянут. Зимой и летом купается в прудах возле деревни.

К Егорычу, конечно, сейчас дело стоящее – духовная терапия. Скверно, что не сразу к нему. Хотя... Какая разница? После того, что пришлось услышать по телевизору, с Алиной не дошли бы по-любому. Сейчас пусть медленно, но передвигаемся, и то ладно.

Я остановился и обернулся. Девушка шла неторопливо – сказывался терапевтический эффект от отцова отвара. Набухал он ей, будто мужику здоровому – теперь вот будем плестись, точно заблудившиеся в лесу козы. Что за спешка такая? Ей бы отлежаться, выпасться... Такой стресс пережила, что не каждому по силам.

Попёрлись к лешему на рога, на займку! Здрасьте, я ваша тётя!

Ладно, отоспится в поселении. Я туда ходил три дня назад, всё вроде в порядке, на месте, нормально устроимся.

– Линка, чего ползёшь, как черепаха? Волк за задницу цапнет. Давай уже, время поджимает!

Чего полез? Ей и так не сладко. Вон глаза стеклянные какие – сейчас заснёт. Может, её себе на спину посадить? Она лёгкая – унесу.

– Иду я, – бросила девчонка. – Ты свети мне под ноги, спотыкаюсь.

Я направил луч света от фонаря прямо под ноги Алины. Девушка наступила на яркое пятно, словно на солнечного зайчика. Мы так в детстве играли с котом: ловили яркий луч зеркалом и пускали на землю, а кот бегал, пытался сцапать. Помню, мы смеялись до одури.

Вдруг Алина застыла и тряхнула головой. Я подался к ней, но она вскинула руку, тем самым подавая знак, чтобы остановился. Замер, мало ли что...

Алина постояла с каменным лицом совсем недолго, но по мне так вечность. Я шарил взором по её фигуре, по траве под ногами, пытаюсь отыскать врага – змею. Потом девушка покачнулась, и я не выдержал, рванул к ней. Вовремя – успел подхватить. Алина повисла на моих руках.

Она в сознании, только глаза безумные.

Чёрт! Мало в неё отец влил отвара, ох, мало! Пусть бы я тащил её всю дорогу на себе, но не боялся бы истерики или обмороков.

– Ты как? – поцеловав щеки, лоб, чтобы определить нет ли температуры, спросил я.

Видно, скверно. Фонарик в руке освещал тропинку, а не нас. Я почувствовал губами выступивший на лбу подруги пот, что весьма странно – в лесу прохладно.

– Тошнит.

– Это от стресса. Вернёмся?

– Нет.

Девушка будто выдохнула слово, а не произнесла его. Потом уткнулась лбом в мою грудь, и я крепче прижал Лину к себе. Бандана сползла с головы подруги детства и повисла на её тугой косе. Чтобы не потерять косынку, я стащил её с волос Алины и произнёс:

– Давай вернёмся, Алиночка. Тебе нужно отдохнуть. Позже пойдём.

– К дяде Семёну пришёл ваш сосед и спросил о нас. Он полицейский. Фуражка на бок свалилась.

Голос Алины окреп, что меня удивило: едва не теряла сознание, а тут вдруг столько силы.

– Да ладно тебе, Стёпка пока раскочегарится – мы всю тайгу пройдем.

Алина отстранилась, посмотрела на меня. Этот взгляд снизу вверх делал её такой трепетной, маленькой. Захотелось стиснуть, подхватить на руки и отнести домой, ничего не говоря и не слушая возражений.

– Стёпка предложил помощь дяде Сёме и очень рад, что мы уже ушли. Пошёл готовиться к приезду московских гостей. Сказал, если появимся, чтоб не отсвечивали перед столичными ребятами. У них разговор короткий, и докажи потом, что и духу не было во время убийства в Москве.

Я не знал, что сказать на такое откровение. Будто слышал диалог бати и соседа: так всё детально было произнесено.

– Откуда знаешь? – осторожно, чтобы не спугнуть девушку, поинтересовался я.

– Не поверишь...

– Скажи, я решу, верить или нет.

– Мне вдруг отчётливо пришёл образ: сосед постучал в дверь вашего дома, и дядя Семён вышел к нему. Они разговаривали.

Амба! От стресса Алинка поплыла. На хрен! Домой! Домой, и точка! Постелька, отварчик, спатеньки...

– Я хочу выполнить поручение папы, – отстранилась от меня Алина.

Опустил руки, луч фонаря ярко освещал обувь.

– Ты не понял, – продолжила девушка, – видимо, папа так просто не написал бы мне.

Алина вдруг резко выхватила фонарь и едва ли не бегом помчалась в лес.

Совсем с ума сошла! Точно – проблемы с башкой от горя!

Я рванул за девушкой. Ветки лупили по щекам и плечам. Козырёк бейсболки защищал глаза от хлёстких прутьев. Я очень быстро догнал подругу, ухватил за руку и дёрнул на себя:

– Без глупостей!

Я выхватил фонарь, взял ладошку Алины в свою. Она крепко сжала её, словно при рукопожатии:

– Давай сразу в санаторий, а?

– Голову включи: до него десять километров, а до заимки – три. Ночь на дворе, Алина!

– Хорошо. Можно я за руку с тобой пойду?

Теперь она выглядела маленькой перепуганной девочкой, боявшейся заблудиться.

– Можно, – стараясь принять перемену в девушке, сказал я. – В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...

– Оська, перестань. Мне правда страшно.

– Идём, нам прямо.

Мы, в самом деле, пошли прямо и спустились в овраг. Пока шагали по его дну, Алина вела себя тихо: не болтала, ступала очень осторожно, будто шла не по тверди, а по болоту. Только временами она останавливалась, и мне казалось, даже переставала дышать.

Зря послушал её, точно – зря! Нужно было возвращаться домой. А если её там, на заимке, снова накроет стресс, что делать-то буду?

– Тут нам наверх. – Зачем-то махнул рукой, хотя и так понятно, где верх находится.

– Посвети.

Я направил луч фонарика на склон. Получилось подобие лунной дорожки, что бывает на море. Холодный неестественный свет коснулся мха, редкой травы, корней накренившегося дерева, которое напоминало сгорбившегося монаха, выставившего вверх четырёхпалую руку-ветку.

Алина ухватилась одной рукой за выступ, другой – за редкую траву и стала карабкаться в гору. Она уже добралась до дерева-монаха, когда обернулась и произнесла:

– Я держусь. Давай фонарь.

– Нет, я сам. Ты поднимайся.

Девушка продолжила восхождение, а я терпеливо ждал. Когда убедился, что Алина стоит на ровной почве, отвинтил заднюю крышку ручки светильника, вытащил ленту. Крышку завернул обратно, а фонарь повесил на шею. Моего роста хватало, чтобы быстрее, чем Алина, добраться до «сутулого» четырёхпалого сухостоя и выбраться наружу.

Меня рассмешило, когда Алина бросилась меня очищать: так по-женски.

– Не трать время, пошли, – взяв Алину за руку, повёл дальше.

Но девушка замерла, словно увидела кого-то.

– Что?

– Я не знаю, просто... Непокойно.

– Всё нормально, – я потянул за собой Алину. – Не бойся. Косолапый тоже уже спит. Волки нас не тронут.

– Ага, – не поверила девушка, но последовала за мной.

Мы шли в молчании, и мне казалось, это выглядит неспешным заплывом гребцов-спортсменов. А что: лес – пучина, мы – пловцы.

А ну его к лешему! Чего только в голову не взбредёт!

Хвойник стал редеть, и Алина ускорила шаг. Да и я не отставал: хотелось быстрее оказаться под крышей, лечь спать. День показался длинным, насыщенным проблемами. У некоторых и за весь год столько не случается, а тут за несколько часов чего только не наворочено. Линку жалко: придёт в себя, осознает, что родителей нет в живых, и что тогда? Это пока горести не чувствует, не понимает, в неадекватном состоянии.

Вздор, что её подозревают в убийстве. Полдеревни подтвердить могут, что она была здесь, а не в московской квартире. Только рад я, что не придётся ей уезжать. Представляю: навалится вся эта правда-матка с кладбищами, похоронами, следователями... Не выстоять ей одной.

Если только мне поехать?

Тоже вариант. Помогу, дел там будет по горло.

– Неужели добрались? – выдохнула Алина.

Голос у неё окрашен жизнью – славно.

Я направил луч на едва заметное в темноте острогорбое чудище. В окне свет не горит, никто не вышел, заприметив нас – значит и нет никого.

Мы, не сговариваясь, подошли к дому. Я постучал в окно, а подруга взошла на крыльцо и дёрнула дверь. Та возьми и откройся.

– Линка, не ходи. Сначала я.

Достал из-за пояса пистолет-ракетницу и вошёл в дом. Луч выдёргивал из темноты нехитрую обстановку заимки: увесистый нетёсаный стол, лавки по бокам от него, две широкие лавки у стены и три полки над деревенским умывальником.

– Всё нормально, заходи.

Не дожидаясь девушки, подошёл к столу, на котором примостилась керосиновая лампа, определил на столешницу оружие и стащил оба рюкзака с плеч. Развязав шнурок одного из них, долго не ковырялся – спички привычно лежали в одном из внутренних кармашков. Чиркнув одной о бок коробки, поджёг фитилёк и снова надел стекло.

– Здесь ещё есть, – сказала Алина, потянувшись к верхней полке над умывальником.

– Одной хватит – утро скоро. Само по себе светло будет.

Алина всё равно достала лампу и поставила её на стол. Что ж, привычно, в нраве моей закадычной подруженьки: всё по-своему и наперекосяк.

– Вон ложись на лавку, вздремни.

Алина подошла к широкой скамье у окна, сдула с неё пыль и уселась:

– Подбрось рюкзак, под голову положу... Знаешь, тут места и для тебя хватит.

– Понял: подушкой буду я, – хмыкнув и притушив пламя, убрал в рюкзак пистолет, запер дверь на засов и приблизился к Алинке:

– У стенки или с краю?

– Я чур с краю.

– Ну, а мне у стенки нормально будет.

Мы улеглись, пристроив рядом с головами свою поклажу. Алина повернулась ко мне лицом, прижалась, положила голову на грудь. Я крепко обнял её.

На самом деле хотелось её сдавить, сжать, сделать меньше, чтобы запихнуть к себе подмышку и унести домой. Я внутренне съёжился от осознания, что дядя Боря никогда больше не приедет к нам поохотиться, а тётя Света не станет звонить и слать эсэмэмски, болтать с Алиной и мной по скайпу. Что будет с самой Алиной, непонятно.

М-да. Сколько дров наломал сегодняшней день! Столько разом горя принёс...

Нет, даже если Алинка сопротивляться будет, я с ней поеду. Плевать на её мужиков столичных и заграничных, мне так спокойнее будет. Проконтролирую всё и вернусь. Может, и Алинка со мной.

Ай, к лешему! У неё же защита диплома!

В Латвию виза нужна! М-да. Подумаем, решим.

Я заснул под мерное сопение подруги. Ничего особенного не снилось – провалился в бездну, и всё.

Утро разбудило меня тёплым солнечным лучом, скользнувшим по глазам, и горячими губами Алины, приникшей ко мне в пламенном поцелуе. Её ледяные ладошки обхватили моё лицо, взбадривая ото сна. Затем проворные ловкие пальчики, словно хитрые белки, метнулись вдоль моего торса вниз и, расстегнув застёжку на джинсах, выпростали наружу мой, вставший в утреннюю стойку, член.

В следующий миг девчонка лежала уже подо мной.

– Привет. Замёрзла? – хрипло шепнул ей.

– Да, – кивнула она. – Согрей меня!

Слова звучали жалобно, а в глазах плескалась откровенная похоть.

Это завело меня с пол-оборота. Я впился в её губы своим ртом, жадно терзая их. Руки же не теряли времени даром и уже освобождали мою искусительницу от лишней одежды. Я был благодарен ей за этот ранний порыв. Нам обоим сейчас просто необходима была разрядка. И секс больше всего подходил для этого.

Забравшись ладонями под футболку Лины, я накрыл ими её твёрдые холмики. Девушка блаженно закрыла глаза и сладострастно выдохнула. Потерев пальцами оба соска, я положил цепочку из поцелуев, спускаясь вниз к пупочной впадине, и остановился возле прикрытой рыжими волосками возвышенности. Подув на неё, замер. Линка затаила дыхание и втянула в себя живот. Я грубо стащил с девчонки ботинки, штаны, на ней остались только трусики.

Мои пальцы, старательно огибая бугорок, прошлись по внутренней стороне бёдер подруги, лаская там подушечками её нежную кожу. Я видел, что каждое моё движение вызывает в девушке сладкую дрожь. И вот уже мой настырный палец нырнул в глубокую расщелину и погрузился в горячую негу девичьих недр, усилив ритмичные ласки. Алина протяжно застонала и выгнулась навстречу моим прикосновениям.

Стащил трусики – больше сил не было сдерживать себя. Она хихикнула, прищурилась.

– Романтики не добавишь? Можно носки с меня снять.

– Так сойдёт! – хрипло заявил я. – Представляю, что это чулочки.

С себя уже не осталось сил снимать одежду, просто спустил штаны, и всё.

Моё отвердевшее естество рвалось в бой, и я позволил проскользнуть ему туда, где только что властвовали мои пальцы. Лина вскрикнула и притихла в ожидании моего наступления. Начав плавные движения, я постепенно наращивал темп, поймав единый слаженный ритм с партнёршей.

Вскоре уже ничто не напоминало о медлительности и размеренности. Нас обуяла страсть. Резкими толчками мы подавались навстречу, чтобы, отстранившись на миг, вновь устремиться друг к другу.

Лина крепко обвила меня ногами и руками и двигалась вместе со мной в яростном танце. Моё тело вибрировало, как туго натянутая тетива, грозясь вот-вот взорваться. Мышцы влагалища Альки туго сжались вокруг моего члена. Я почувствовал, что девушка близка к кульминации, и усилил толчки. Алинка закричала. Вопль удовольствия, искажившееся страстью лицо передавали её чувства. Я накрыл горячие сухие губы поцелуем, всадил в Алинку максимально глубоко пенис, на миг задержался внутри и вышел, зажав член между нашими животами.

– А-а! А-а-а! – простонал я.

Оргазм, оглушительным водопадом накрывший с головой, постепенно отступал и отпускал. Мы оба тяжело дышали и вновь целовались, на этот раз нежно.

Я был не прочь встречать так каждое утро. Вместе с Алиной.

Чёрт, дожил!

Я поднялся с лавки, хотя с большим удовольствием остался бы подле Алинки, держал бы её в объятьях. Забрал рюкзак, достал оттуда влажные салфетки и двухлитровую бутылку чистой воды. Вытерся салфетками сам, обтёр Алину.

– Воды взял мало, но если хочешь, пойдёшь, ну... там... нормально приведи себя в порядок.

– В санатории помоюсь, – хмыкнула девушка и натянула на себя штаны. – Сейчас только зубы почищу и достану бутерброды. Чай, наверное, даже в термосе уже остыл.

Алина взяла из моих рук пластиковую ёмкость и рванула за дверь. Я опустился на лавку, сцепил руки в замок, пытаюсь прийти в себя.

Я – свинья! Последняя на этом свете мразь!

Самокритично? Мало мне ещё. Девчонка родителей потеряла, а я прыгнул на неё, точно изголодавшийся кролик. Получалось, что пользовался её состоянием. Кажется, оно называется шоковое. Это только в кино показывают, что все сразу плакать начинают, как узнают, что потеряли близкого человека. На самом деле не так. Вот такие, как Алинка, как будто в другой мир попадают, где всё по-прежнему и все живы.

– Ты чего такой сердитый?

Я вскинул голову. Алинка вернулась. Лицо мокрое, губы красные.

– Слушай, подружка, ты прости меня, я... У тебя такое горе, родители...

– У меня нет горя, – оборвала меня девушка. – Мои родители не умерли.

Ну вот тебе на! Точно шок! Надо к Егорычу, у него аптечка есть, может, чего ей там накапает.

– Бутерброды по дороге съедим, – хлопнув себя по бёдрам, сказал я и поднялся, достал зубную щетку и пасту.

Взял из рук подруги бутылку, вышел за дверь и быстро почистил зубы.

Я – дерьмо собачье, боялся остаться один на один с Алиной, когда до неё дойдёт, что убийство произошло и с родителями она только в морге увидится. Алинка молодец: спорить не стала.

Фу-у-ух, ну что за хрень творится!

Я вернулся под крышу, убрал всё обратно в рюкзак. Алинка достала бутерброды, термос, определила их на стол и принялась поправлять одежду, заплетать косу. Так в молчании собрались и покинули домишко. По дороге боялся заговорить с подружкой «дней моих суровых». Малодушничал. Линка вроде забыла о моём существовании: бодро шла не оборачивалась. Ей тоже дорога хорошо знакома.

Сосновый лес стал уступать свои позиции лиственному. Появились редкие берёзки. Они, точно сиротки, притулились кронами к прямым и гордым стволинам вековых корабельных сосен.

Раз такое дело – значит, скоро и забор санатория будет виден. С полкилометра осталось, наверное.

Я посмотрел на стройную фигурку девушки в камуфлированной экипировке и снова вспомнил свой утренний «промах». Надо было придержать своего Ретивого, чтобы вот так потом не грызть себя за это. Алинка ничего не понимает, оно и ясно, но я-то, балбес, уступил похоти.

– Уже скоро, – обернулась ко мне Алина. Первый раз за всё путешествие.

Я кивнул – ком в горле стоял, ответить не смог. Алинка улыбнулась и отвернулась.

Тяжёлый бетонный забор вырос перед нами, точно препятствие из сказки. Мы пошли влево вдоль него, и примерно через триста метров обнаружили решётчатые ворота. На одном из столбов, на которые навешена преграда, нахохленно восседала видеокамера. На уровне глаз всё на том же столбе примотана изолентой коробка с кнопкой звонка.

Нажал, стал дожидаться реакции. Если Егорыч не дрыхнет, то второй раз теревить звонок не придётся.

Через частые прутья ворот были видны асфальтированная дорога и здание главного административного корпуса. Оно кряжисто уселось на землю своими кирпичными стенами, напоминая огромного толстого пса бульдожьей породы. Крыльцо щерилось частыми колоннами, а огромные окна мутно смотрели на мир из-под слоя пыли.

Зная Егорыча, понимал, что он и не думал ночевать в здании администрации. Скорее всего, так и живёт в домике для охраны. А вот нас точно в корпус поселит.

– О! Ребятки! – раздался со спины голос сторожа. – Меня вызваниваете?

Алинка бросилась к мужчине на шею, обвила его плечи руками. Егорыч похлопал её по спине одной рукой, в другой держа матерчатую сумку, по виду очень тяжёлую.

Девушка отстранилась.

– Соболезную, дочка, – нахмурился Егорыч.

– Мои родители живы. Я не видела их мёртвыми – значит и не мертвы они.

– Ну-да... ну-да... чего уж... м-да-а.

Мне сторож протянул руку. Мы заключили крепкое рукопожатие. Егорыч полез в карман за ключами, передал мне сумку. Достав связку, ухватился за массивный замок, недолго повозился с ключом, и ворота открылись.

– Вы уж от меня не скоро сбегайте, ребятки, – двигаясь с нами по дороге, попросил мужчина. – За посылкой пожаловала, Алина?

Девушка кивнула.

– Да, она пришла на адрес санатория день назад, – продолжил Егорыч. – Я сразу понял: для тебя она. А потом и письмо прочитал от Бориса и Светы.

– Я понимаю, не скромно, – улыбнулась Алина, – но что они написали?

Егорыч заметно дёрнулся, точно от удара, но Линка этого не заметила, видел только я. Лицо мужчины переменилось, он странно, как-то нервно посмотрел на мою подругу, но быстро совладал с собой, улыбнулся:

– Да и было-то три строчки. Обидно даже. Выбросил я в мусор, стал тебя дожидаться.

Широкие дубовые двери административного корпуса впустили нас внутрь, и мы оказались в просторном холле. Из изысков прошлого: потолочная лепнина, фальшивые колонны на стенах, крупная чёрно-белая плитка на полу.

Здание администрации сквозное, и мы быстро пересекли холл, вышли в другие дубовые двери. От ступеней небольшого крыльца брала начало широкая асфальтовая дорога. С обеих сторон от неё зеленели ели.

– Будто в другой век попала, – улыбнулась девушка.

– Так и есть – прошлый век, – поддакнул Егорыч. – Я вас размещу в доме для поваров. Там уютно, сможете отоспаться. Небось ночью по лесу шли. Знаю я вас, молодёжь, всё рвётесь куда-то, на месте усидеть не можете. Там душ есть и вода горячая. От старой котельной сюда труба проложена. Другая котельная, для корпусов – отключена.

– Спасибо, – подхватила Алина, – за душ отдам всё что угодно!

Девушка вдруг резко остановилась. Мы с Егорычем сделали ещё несколько шагов и тоже замерли. Подруга стояла с отрешённым видом, глаза стеклянные, ладошкой она накрыла губки, словно боялась проговориться.

Егорыч медленно шагнул к Алине, точно она приبلудная собака, и не знал, что от неё ожидать: прыгнет на него или убежит. Я остался на месте. Видел такой Алину уже второй раз, и она после этого болтала всякий вздор.

– Всё нормально? – склонил голову и, заглянув в глаза Алине, поинтересовался сторож.

Мне показалась странной его реакция на поведение девушки. Он не удивился, не окликнул, не кинулся к ней, как сделал бы любой нормальный человек, а внимательно, в аккурат как профессор-ботаник редкую бабочку, рассматривал девушку.

Егорыч работал с моим отцом и дядей Борей когда-то в московской лаборатории. Увидев пожилого мужчину впервые, я решил, что это шутка. Да и за всё время, что знал его, с трудом признавал в нём бывшего учёного. Скорее, пенсионер, решивший податься в тайгу потому, что нигде не ждут. А тут и воздух и лишняя прибавка к пенсии.

– Да, всё хорошо, – отрешённо бросила девушка. – К дяде Семёну снова сосед пришёл, расспрашивал, пока тот дрова колот.

– Оно и понятно, – кивнул Егорыч. – Чего уж по-соседски не зайти, не поговорить. Язык-то без костей.

Тон его изменился: стал резким, требовательным, и от этого стариковские слова казались пародией на подлинную болтовню деревенских мужиков. Мне показалось, он подначивал Алину, чтобы ещё что-нибудь сказала.

– Он про нас расспрашивал, лебезил, глаза прятал. Кто-то к соседу приехал. Не полицейские, другой... Важный. И ещё один, влиятельный, едет сюда. Ощущение страха в воздухе не чувствуете? Шёпот слышите? Будто опасно становится.

Всё! Теперь и голоса на нервной почве чудятся. Будем в Москве, поедem в клинику неврозов. Совсем от горя девчонка с катушек съехала!

– Ну, а Семён-то что? – выспрашивал мужчина.

– Спросил про полицейских. А сосед ему сказал, что к утру будут.

Я не выдержал и рявкнул:

– Алина, пошли! Ты устала, у тебя шок.

Егорыч бросил на меня хищный недовольный взгляд и тут же, будто спохватившись, широко улыбнулся, кивнул:

– Да, поспать нужно тебе, Алиночка. Я пока обед приготовлю. Вон туда идите, налево. Там упрётесь. Ключ сейчас дам.

Сторож снова вытащил из кармана связку ключей, отделил один и протянул его мне:

– Ступайте. Скоро приду, принесу посылку от Бори.

Глава 4. Алина

Хорошо жили повара, ничего не скажешь. В небольшой комнатухе стояли стол, пара стульев и два потрёпанных раскладных диванчика, а не привычные узкие панцирные кровати. Рядом с входом расположился совместный санузел. Пусть небольшой, но зато свой. Не то что в корпусах для отдыхающих: один душ и один санузел на весь коридор.

Остап подошёл к шкафу-купе и убрал в него наши рюкзаки. Мы ещё не знали, надолго ли тут задержимся, поэтому и не спешили распаковывать свою ношу.

Я решила, что приму душ уже после еды. Оказывается, я зверски проголодалась. Утром путём позавтракать не получилось из-за Оськи, который торопился скорее попасть в санаторий.

– Я в душ, – Оська чмокнул меня в щёку, прихватил полотенце и был таков.

Сожалела, что парень собирал мои вещи в дорогу, а не девушка – с бельём наметились проблемы. На них и сосредоточилась, размышляя попросить у друга детства чистую футболку на ночь, чтобы каким-то образом сделать постирушки и одеться утром во всё чистое, или так лечь?

Не узнавала себя, еще пару суток назад я не стеснялась показать Остапу свои желания, когда мылись в бане, а теперь вдруг стала стесняться. Не к добру это.

Влюблялась редко, но метко. В таком состоянии на меня напала хандра, я боялась собственной тени, но больше всего переживала, как выгляжу со стороны. Отсюда излишняя стеснительность, навязчивые мысли о недостатках внешности и, как следствие, разбитое сердце.

Впрочем, подобие влюбленности было всего-то пару раз – на статистику не тянет.

– Алина, – донеслось из кухни.

Я рванула на голос.

– Алина, сходи за дом, там три грядочки есть, нарви укропчику, – попросил Егорыч.

– Хорошо.

За домом действительно оказались три небольшие, тщательно прополотые грядки. Я сломала несколько стеблей укропа, пяток пёрышек лука и вернулась в дом. Предложив свою помощь дяде Андрею, была отослана в комнату с напоминанием: «Отдыхай».

Ну, отдыхай, так отдыхай, спорить не стала. К тому же вернулся Остап.

– Как ты? – поинтересовался он, расчёсываясь перед зеркалом.

– Нормально. Чего со мной станется?

– А что грустная?

– Я не грустная – злая. Есть хочу.

Из кухни доносились аппетитные запахи. Желудок свело судорогой, и я чуть не захлебнулась голодной слюной. Мы с Остапом, не сговариваясь, припустили едва ли не наперегонки на запах яичницы с колбасой и жареного хлеба.

Егорыч колдовал возле плиты. Деревянный обеденный стол, заботливо прикрытый газеткой вместо скатёрки, был заставлен чистыми тарелками. На разделочной доске лежали помидоры.

Оська подошёл к раковине и помыл руки, обтёр их висящим на гвоздике рядом полотенцем. Я последовала его примеру. Пока соблюдала гигиену, парень ловко нашинковал помидоры, сгрузил их в глубокую миску для салата и приступил к огурцам. Желая быть полезной, я вымыла свежий укроп, луковые перья и, взяв кухонные ножницы, покрошила зелень в блюдо.

Вскоре мы дружно поглощали ужин, приготовленный совместными усилиями. Оська в молчании жевал, глядя в свою тарелку. Егорыч бросал на меня короткие, заинтересованные взгляды, но тоже помалкивал.

Всё-то он понимал, друг и соратник моего отца! Смущал меня только его взор, такой проникновенный, въедливый, точно рентген. Старики, наверное, все так смотрят.

Они с папой, мамой и дядей Семёном вместе в лаборатории работали. Уж не знаю, чем они там занимались, но в девяностые их расформировали. Папе с мамой повезло: за год до этого перебрались в Латвию по приглашению одной фармацевтической компании, а вот Семён Григорьевич и Андрей Егорович, увы, не пристроились нигде, махнули сюда, в тайгу. Я однажды спросила, почему решили не в Москве остаться, а подалась в эти места, получила пространный ответ о смутных временах, о разрушении строя и сокращении вооружённых сил, к которым, так или иначе, относилась и их лаборатория. В общем, ничего сложного, всё как у всех в то время, оттого и жаль – умные головы, а занимались не своим делом.

Наевшись, я расслабленно откинулась на спинку стула, поглаживая сытый животик. Вдруг перед глазами возникла картинка. Очертания были не очень чёткими и всё время будто бы растекались. Хотелось взять какой-нибудь регулятор, как на приёмнике, «подкрутить» резкость и зафиксировать изображение. Я затаила дыхание, силясь сфокусировать зрение.

И вдруг внятно увидела дом дяди Семёна. Хозяин стоял на крыльце и разговаривал с худым мужчиной. Если б тот не горбился, то был бы высоким, как Остап. Картина стала увеличиваться, словно незримая камера приблизилась и замерла. Теперь незнакомца, говорившего с отцом Оськи, рассмотреть не составляло труда. Неприятный тип – вот бывают такие – не нравится, и всё тут. Вроде вид презентабельный, пусть и одет в джинсы, рубашку и поверх неё тонкий свитер, а вот кажется скользким, ненадёжным.

– Алька, что там слышно? – раздался голос сторожа.

– К дяде Семёну пришёл незнакомец с мерзкой улыбкой. Он спрашивает обо мне и об отце. Собака взбесилась: лает, рычит, захлёбывается. Похоже, Семён Георгиевич его знает, незнакомца, разговаривает с ним, как... Разговаривает не как с приятелем, но руку пожал и лицо у дяди Семёна озабоченное.

– Как выглядит этот тип? – ненавязчиво перебил меня Егорыч.

– Худощавый, – как под гипнозом, ответила я. – На носу блестят круглые очки, дужки которых заправлены за лопуховидные ушные раковины. Большой рыхлый нос, свисающий с лица баклажаном. Он лебезит перед дядей Семёном. А маленькие глазки всё время бегают из стороны в сторону.

Изображение исчезло так же внезапно, как и пришло. Я встряхнула головой, будто спросонья. Посмотрела на Остапа и удивилась: он буравил сторожа злым взглядом.

Что здесь происходит, чёрт побери?

– Мы, пожалуй, отдохнём с дороги, дядя Андрей, – напористо и ворчливо сказал Ося, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за ужин и тёплый приём.

– Конечно, ребята, – спохватился охранник, тоже вставая и собирая тарелки.

– Егорыч, я помогу! – тоном, не терпящим возражений, сказала ему, с упреком посмотрев в спину удаляющегося с кухни Оськи.

– Да справлюсь я, дочка, иди прими душ! – стусевался дед.

Но я и слушать не стала, отобрала тарелки у Егорыча и поставила их в раковину, принялась за мытьё. Но не оставлял меня в покое навеянный эпизод. Колебаться не в моих правилах, предпочитаю решать всё и сразу, потому негромко спросила:

– Ты же узнал его по описанию?

– Похож на одного коллегу по лаборатории, – мрачно подтвердил он.

– Оська считает меня повёрнутой. Но я тоже себя такой считаю... С некоторых пор Вижу, что видеть не могу. Да и не спорю – чокнутая.

– Что ты! Скажешь тоже! – возразил Егорыч.

– Он думает, что я не в себе, – настаивала я на своём. – Я же вижу, какие он взгляды на меня бросает!

– Не думаю я так, – сварливо сообщил Остап, входя в помещение. – Просто странно всё со стороны выглядит... Экстрасенсы отдыхают.

Сторож почесал затылок:

– А может, в тебе открылось ясновидение?

– Ага! – хохотнул Остап. – Андрей Егорыч, ты – учёный человек! Странно слышать от тебя про ясновидение. Вообще от вашей компашки: дяди Бори, папы и тебя такое слышать дико. Я перед приездом Алинки с дядей Борей по скайпу разговаривал, так он тоже про ясновидение задвигал, а папа – верил и поддакивал ему. И всё это говорят учёные с мировым именем!

– Ну, так... – пожал плечами сторож, – чего в наше время-то не случается...

– Ещё скажи: инопланетяне существуют.

– Наукой не доказано обратное, – хмыкнул мужчина, – значит теоретически возможно.

Остап подошёл ко мне, обнял за талию, чмокнул в макушку и, повернувшись к сторожу, с улыбкой в голосе сказал:

– Прикалываешься, Егорыч?

– Да.

Короткий ответ пожилого мужчины прозвучал так ясно, чисто и просто, что я едва не выронила намыленный бокал из рук. В душе словно что-то перевернулось, застыло, как тогда, после сообщения об убийстве в нашей квартире. «Да» прозвучало приговором.

– Жаль, вижу только твоего папу, а не своего, – вздохнула я и принялась вытирать посуду полотенцем.

Егорыч промолчал, лишь по-стариковски поджал губы. Я заметила, что его рука дрожала, когда он засовывал хлеб обратно в пакет.

Ося уселся обратно на стул и нервно барабанил пальцами по столу. Мы со сторожем тоже присели с ним рядом.

– Я вот что подумал, – начал Андрей Егорыч, поглаживая ладонью столешницу. – Под твоё описание, Алина, подходит один наш общий знакомый. Звали его Николай Запрудный. Амбициозный, завистливый и меркантильный до мозга костей человек. Работал в нашей лаборатории. Избавиться от него не могли – сын одной шишки. Ничего сказать не могу, он подавал надежды и работал по призванию. Просто мы его недолюбливали. Вечно суетился, вертелся... Как-то не заладилось у нас... Знаю, что после развала Союза, а за ним и лаборатории, подался он в коммерцию. Прыткий очень оказался. Слышал, что связался с зарубежными партнёрами, пристроился. Приторговывал разработками, что его родственничек через него слил зарубежной компании. Оно и понятно, наукой в то время мало интересовались, думаю, хоть так, через продажу, достижения не пропали.

– А сейчас что ему нужно? – удивилась я.

– Откуда мне знать, девочка? – разведя руками, неубедительно отмахнулся Егорыч. – Может, предложить хочет что-то. Только мы ведь от дел отошли давно, в науку не суёмся.

– Спасибо, дядя Андрей, – сказала я, поднимаясь со стула. – И взаправду, устала я, пойду приму душ и прилягу.

– Правильно, дочка, – похвалил он. – Ты иди, пока я посылку от отца принесу.

Я направилась в отведённое нам с Остапом помещение. Друг детства задержался на кухне, что-то тихо обсуждая с Егорычем. Попав в комнату, я, на автопилоте взяв широкое махровое полотенце, направилась в душ.

В кабине нещадно тёрла себя мочалкой, стараясь стереть наваждения от событий предыдущих дней. Мне казалось, что если тщательно потереть себя, я смогу исправить страшные выверты судьбы, нависшие над моей семьёй. Все считают родителей умершими. Они ещё увидят, что ошибаются! Не могли они меня бросить одну на этом свете, так внезапно и нелепо покинуть этот мир.

Чушь какая! Моя мама... мамулечка – деловая женщина. Их с отцом всё время охраняли...

Я согнулась в кабинке, прижавшись к её стенке, беззвучно затряслась. Глаза щипало от слёз, но струи воды смывали солёную влагу. Мышцы и челюсти сводило – так сильно я стискивала кулаки и зубы, чтобы не кричать от страха и тоски.

Н-е-е-т! Они живы! Живы!

Распрямылась. Тело сотрясалось, будто стояла под ледяной водой. Стала растирать кожу до покраснения, до боли. Оцепенение отпустило, и я начала чувствовать обжигающие струи, вдохнула горячий пар. Постояв ещё немного под душем, я выключила воду.

Надо выходить.

Нашупав ногами чужие шлёпанцы, просунула в них ступни. Сняла с крючка на внешней стороне двери кабинки полотенце, промокнула и отжала волосы, вытерла тело. Вспомнив, что вся одежда осталась в комнатухе, обмоталась полотенцем и вышла наружу.

Сидевший на диване Остап вскинул голову и застыл с восхищённым выражением глаз. Рядом с ним лежала коробка, завёрнутая в специальную бумагу для посылок. Я направилась к дивану, придерживая полотенце, чтобы не слетело, взяла посылку.

– Оденься, потом рассмотришь.

Я замешкалась, сомневаясь, стоит попросить у парня чистую футболку или нет. Вид у Оськи стал хитрющий, и я прикусила язык. Собрала вещи и вопреки здравому смыслу направилась в санузел, там оделась.

Донёсся собачий лай. Такой оглушительный, что невольно внутренне напряглась. Ясно одно: у ворот чужаки.

– Где Алинка? – донёсся из-за двери встревоженный голос Егорыча. – Собирайтесь немедленно!

– Что случилось?

Я ускорила со сборами, покинула санузел.

– Некогда лясы точить, – вместо ответа бросил сторож. – Сейчас вы собираетесь и топаете к шестнадцатому корпусу. Это по дороге прямо и направо до тупика. Здание проходное. Пройдёте его насквозь. Камеры в том крыле не работают, и вас не сразу заметят.

– Да что происходит?! – не выдержала я. – Вы знаете что-то большее, чем остальные, дядя Андрей? Скажите! Почему такая спешка? У вас проблемы? У меня? Что случилось?!

– Нет времени, – отмахнулся от вопросов Егорыч. – Потом ты всё поймёшь. У тебя проблем нет, как и у меня, есть обстоятельства. Собирайтесь. Значит, так... В заборе прямоугольный люк. Вот ключ, отопрёте его и закроете с другой стороны. Там, в лесу, осторожнее. За забором крутой спуск, шеи себе не переломайте. Посылку отцову заберите.

– И куда нам дальше? – нахмурился Остап.

На его лице замешательство и недоумение. Достав из шкафа рюкзак, я впихнула в него коробку. Набросив на себя ветровку, повязала бандану.

Собаки надрывались, едва ли не захлёбываясь от собственного лая, призывая хозяина – Егорыча.

– Дальше вы шлёпаете строго на север. Там в полукилометре мой дом. В сарае – машина. Ключи на полке слева от входа. В ящике, в углу, винтовка М-16 и патроны к ней. Не светите оружием, спрячьте.

– Что за спешка? Кого ты боишься? – я сыпала вопросами, пытаюсь осознать и принять действительность.

– Ах, вот ещё... – из-за спины, словно волшебник, Егорыч достал два пистолета «Макаров». – Не расставайтесь с этим – пригодится.

– Не хрена ж себе! – принимая пистолеты, ляпнул Остап. – Старики-разбойники! У меня ракетница есть.

– Через деревню шпарьте до трассы. Передвигайтесь только ночью.

Заверещала сирена. Я невольно дёрнулась от испуга и пригнулась.

– Давайте! – рявкнул сторож. – Если что, стреляйте на поражение. С вами свяжутся. Бегом! Бегом! Ходу!

Набросив рюкзаки, мы выскочили из домика. Егорыч бежал следом, но потом свернул налево, в сторону сторожки охранника, а Остап и я неслись прямо.

Темнело, территория санатория не освещалась. Асфальтовая дорога под ногами казалась чёрной прорехой.

Возле шестнадцатого корпуса притормозили, Остап сунул мне пистолет в руки:

– Сказали – бери. Ходу!

Послышался оглушительный собачий лай – зверьё охраняло свою территорию, на которую вторглись чужаки.

Я сунула оружие за пояс на спине. Вдруг нас озарил свет фар. Непроизвольно остановилась, попыталась взглянуть, приложив ко лбу ладонь по типу козырька. Остап замер рядом. Удалось разглядеть четырёх людей, выходящих из высокой машины напоминающей контурами джип. Скорее всего, это он и был.

– Тормозите, ребята.

Послышался рингтон телефона. Мужчина возле передней двери ответил на звонок:

– Да. Они тут. Да. Девчонка и с ней пацан.

Не знаю, что произошло в моей голове в этот момент, но я увидела мужчину не на расстоянии и в свете фар, а сбоку. Я хорошо рассмотрела короткие волосы, джинсовую куртку, раскосые глаза, прямой нос, тонкие губы и волевой подбородок. Незнакомцу лет тридцать пять, может, чуть меньше. Рядом с ним стоял другой мужчина, слегка моложе: худощавое лицо, пухлые губы, оттопыренные уши и красивая модная стрижка. Он был одет в ветровку, рукава которой оказались закатанными. На запястье «ушастого» красовалась небольшая розочка. Странная татуировка для мужчины, но чего в жизни не случается.

– Да. Живы. Оба. Хорошо, – продолжал говорить по телефону «джинсовый».

Не похожи ребятки на полицейских или бандитов, но и на наших с Остапом друзей тоже.

Пришла ещё одна картинка: водитель, что стоял у джипа. У него оружие, и до него около пятидесяти метров. Я выхватила пистолет, взвела и пальнула в шофёра. Тот схватился за плечо – я попала. Не сговариваясь, мы с Остапом рванули к входу в корпус, вбежали на крыльцо, ворвались в холл.

Я не оборачивалась, неслась вперёд, но видела всё, что происходило за спиной. Мне приходили яркие образы мужчин, которые сначала подбежали к раненому, осмотрели его, и тот, что с татуировкой сказал: «Царапнуло. Ерунда. Давайте». Мужчины устремились за нами. Ощущение, что я снимала видео на экшен-камеру: изображение то приближалось, то удалялось, но было чётким, ярким, настоящим.

– Куда? – рявкнул Остап, ухватив меня за руку.

Мы оглядывались, а я чувствовала приближение опасных незнакомцев.

– Сюда, – потянула я за собой парня, – выберемся через окно.

Коридор, в котором мы успели скрыться, выглядел слишком широким, чрезмерно длинным. Я не слышала, как хлопнула дверь – гости боялись нас спугнуть, передвигались медленно и тихо. К тому же они были в курсе, что у нас оружие. Тем лучше: у нас фора.

Оська дёрнул дальнюю дверь, и она распахнулась. За ней жилой блок с ванной, туалетом, небольшим коридорчиком и помещением с кроватями.

– В окно, – мотнула головой я.

Оська подбежал, поднял язычок шпингалета, рванул раму на себя – она открылась. Парень взобрался на подоконник, помог залезть мне. Мы старались делать всё тихо, чтобы не привлекать внимание. Пусть себе рыщут с пистолетами, проверяют двери.

Оська спрыгнул первым, я за ним.

– Стоять, – раздался голос.

Конечно, это четвёртый мужчина. Тот самый четвёртый, которого я не разглядела с самого начала, когда меня посетило очередное видение.

– Руки, – бросил он, держа пистолет. Палец был на спусковом крючке – парень не шутил.

Я зажмурилась. Скорее от бессилия, чем от страха.

– Пойдём. И без глупостей, – посоветовал неизвестный.

Ага, так и пошла.

Меня вдруг такая злость обуяла, что начисто лишила не только разума, но и чувства самосохранения. Как на своих занятиях по боевым искусствам, я выбила пистолет ногой, развернулась, ухватила противника за запястье, провела приём, встав за его спиной. Оська подобрал пистолет и врезал рукояткой по голове незнакомцу – тот упал.

– Бежим, – друг детства спрятал пистолет в кармане джинсов, схватил меня за руку, и мы рванули к забору.

– Стоять!

Чужаки выпрыгивали из окна и неслись за нами. Неужели снова бой? Мы не сможем открыть люк.

Неожиданно из-за угла выскочили две собаки и набросились на неизвестных. Не теряя времени, мы, пригнувшись, чтобы нас не было видно в высокой траве, направились к забору.

Где же эта грёбаная дверца? Долго шарить не можем.

Раздались два выстрела, взвизгнула одна из собак.

– Вот, – ожесточённо прошептал Остап. – Твою ж бородатую! Вот дверца.

Оська сунул руку в карман, достал ключ и втиснул в замочную скважину. На удивление механизм быстро поддался – не проржавел. Пришла никчёмная в нынешней ситуации мысль, что Егорыч часто пользовался лазом, раз до его дома так короче.

– Давай, – прошелестел парень. – Я следом. Аккуратно там.

Я сунулась в прямоугольный проём. Сторож предупреждал, что за люком обрыв. Так и оказалось, только начинался он не сразу. Около полуметра пологой земли – вершина насыпи.

Оська пролез следующим и закрыл дверцу. Извне обнаружился замок в виде металлического стержня арматуры, вставленного в скобы, по типу шпингалета. Оська задвинул штырь, будто задвижку.

– Доставай фонарь, – прошептал мне на ухо Остап.

Ночь плотно задёрнула шторы сумрака, к тому же лес, окружающий санаторий, усугублял невозможность что-либо рассмотреть. Я на ощупь ухватила за завязку рюкзака, дёрнула, запустила внутрь руку. Коробка – посылка от папы – мешала поискам. Наконец ухватила за ручку фонарика и вытянула его наружу. Снова хорошо завязала шнурок поклажи, надела её на плечи.

– Вот, они сюда ушли, – слышалось за стеной.

Обнаружили!

Неизвестные попытались открыть дверцу люка – не вышло. Я скорее почувствовала, чем увидела, что Остап приложил палец к губам, чтобы я не издавала звуков. Подалась к нему, а он интуитивно наклонился ко мне. Теперь я различала его глаза, нос, губы, видела, как он мотнул головой, чтобы не шевелилась.

– Чёрт! Там замок, снаружи.

– Тьфу ты! Ничего. Поймаем на трассе. Далеко не уйдут.

Хм... Такие разговоры... Ребятки точно не из полиции. Тогда кто? Может, совершившие убийство в нашей квартире? Ладно, об этом потом.

Остап направил фонарь вниз и включил. Холодный белый луч, направляемый парнем, пополз по земле, устремляясь вниз, в обрыв. Мой взгляд следовал за ним в надежде разглядеть больше, чем это возможно.

– Спускаться будем здесь, – тихо сказал мне на ухо Оська, а я кивнула.

Неожиданно пришло виденье. Я почему-то смотрела через окно на всё происходящее в каморке сторожа. «Джинсовый» спрашивал у Егорыча, откуда он нас знает, а тот говорил, что знаком с нами давно: «Дружен с отцом парнишки». Потом вдруг картинка поменялась, и в сторожку вошёл мужчина в полицейской форме, за руку поздоровался с «джинсовым» и Егорычем.

– Я первый полезу. Давай за мной, – сказал Оська.

Спускайся... Легко сказать. Ветки деревьев, их корневища – и помощники, и враги в таком деле. Едва не сорвалась пару раз. Когда вступила на дно обрыва, вытерла пот, проступивший на лбу.

– Ты в порядке?

– Более или менее, – хмыкнула я. – Топаем. Там уже полиция приехала. Я видела. Ручкались они и с Егорычем и с теми ребятами.

– Дядя Андрей им сейчас наплетёт, – в голосе Остапа слышался смех, – с три короба! Чувствую, наши предки в какую-то афёру влезли. Крутят, вертят... Разберёмся, только позже. Не до этого.

– Куда нам?

– На ту сторону. Север там. Но тут невысоко и полого. Потом – полкилометра.

– Фу-у-у-ух. Смерти моей хочешь?

– Придётся постараться.

– Слышал? Они на трассе нас будут ловить, – напомнила я. – Может, сейчас полицейского попросят об одолжении?

– А ты не видишь?

– Не-а. Глухо. Регулировать эту... Это наваждение не получается.

– Идём.

Глава 5. Остап

Алинка всю дорогу молчала. Мне было не по себе от этого – не раскрывать рта не в характере подруги детства. Что-то она там себе надумала, уцепилась за мысль, и та её не отпускала. Из опыта прошлых лет знал, что добром всё не кончится и девчонку прорвёт. Вот только когда?

Дом Андрея Егоровича возвышался тёмной горой на фоне луны. Стоял он особняком от остальной деревни, практически в лесу. Удобно в нашей ситуации. На самом деле мы очень торопились добраться, я хотел быстрее очутиться в машине и выехать на трассу. Лишние глаза и уши нам не нужны.

– Думаешь, по адресу пришли? – ухватившись за мою руку, спросила Линка.

– По адресу. Я здесь бывал.

– Давай проверим, вдруг нас там поджидают.

– Сам хотел предложить. Ты тут оставайся, а я пойду в разведку. Если что – считай меня коммунистом.

Алинка сильнее стиснула мои пальцы и с горечью в голосе произнесла:

– Всё шутки шутишь, а я серьёзно. Не знаю... Вся эта ситуация... Ощущение, что я сплю. Только никак не могу вынырнуть из кошмара, а напротив – сильнее погружаюсь в него. Убийство, облава, будто мы преступники, оружие, я стреляла...

Последнее слово подруга произнесла еле слышно, и я понял, что именно это обстоятельство не давало ей покоя всю дорогу.

Вообще странно: я читал Алину как открытую книгу. Так бывало у меня со многими девушками. Впрочем, не мудрено, девушки такие были, там любой прочтает, кто хоть немного рассудок имеет. Но с ними меня такое положение раздражало, а с Алиной – радовало.

– Алин, отпираться будем до последнего. Я насчёт стрельбы. Егорыч сказал, что камер там нет, да и света – тоже. Доказательства нужны железные, к тому же ты гражданка другой страны.

– У меня двойное гражданство. Но не в этом дело... Я... Не знаю, что на меня нашло. Дядя Андрей сказал стрелять – выстрелила. Не думала о последствиях.

– Давай потом, а? Пойду на разведку.

Не знал, что сказать Алине – хоть волком вой. У папы был знакомый адвокат, и у него можно проконсультироваться. Но я в кино видел, что оружие, из которого стреляли, обычно выкидывали. Мысль простая: нет главной улики – нет серьёзного разбирательства без базы доказательств. Одна загвоздка: Алинке пришло видение, что сторож сказал, будто знает парнишку. Это всё осложняло. В санатории был я – значит и Алина, раз вместе на охоту пошли. Что делать – не представляю...

Пахло свежей травой, цветами. Благоухание усилилось к августу, ведь в Приморье начинался сказочный сезон – настоящее лето. Дождей становилось мало, а зверья – больше. Самое время охотиться.

Я оставил фонарь Линке, но света, даримого луной, хватало, чтобы разглядеть постройки. Направился к сараю, дёрнул замок – он поддался. Невольно улыбнулся: любимая привычка Егорыча ничего не запирает, а замки лишь для вида.

Не заходя в сарай, обошёл дом, потянул входную дверь, заглянул в окна. Если бы кто-то за нами следил, обязательно увидел бы меня и вышел. Снова вернувшись к сараю, открыл дверь и заглянул внутрь. Пахло свежим сеном и металлом.

Нащупав сбоку от двери выключатель, щёлкнул клавишей и обомлел: чёрный внедорожник занимал половину сарая. Его блестящие отполированные бока отражали свет

от лампы-временки под потолком. На фоне кос, пил, небольшого стога сена и верстака красавец джип смотрелся всё равно что инопланетная летающая тарелка в небе над захудалой деревенькой.

Не удержался, обошёл машину, потрогал.

Точно – джип. Не почудилось.

Ключи обнаружили на верстаке, и я нажал на кнопку, чтобы снять сигнализацию. Затем, не теряя времени, открыл заднюю дверцу, бросился к ящику, про который говорил сторож, и вытянул из него завёрнутую в тряпицу винтовку. Развернул материю, удостоверился, что М-16 собственной персоной. Завернул обратно и положил на дно салона джипа. В ящике обнаружили патроны, их я тоже забрал.

Ну всё: Бони и Клайд – не меньше. Четыре ствола и ракетница на двоих! Ёшкин-макарёшкин! Остановят – фамилию не спросят, повяжут.

Я достал пистолет, отобранный у преследователя, протёр его засаленной тряпочкой, что валялась на верстаке. Не знал, что делать дальше с оружием. Оставить у себя – улика против нас, у Егорыча в сарае – тоже проблематично. Выбросить? Тайга большая, можно и кинуть в кусты – не обнаружат. Только жалко, вдруг однажды пригодится.

Аккуратно, дотрагиваясь до оружия только тряпицей, завернул в другую, вышел. Пистолет оттягивал карман, точно это гиря, а не шанс будущего спасения жизни.

Я вернулся к Алинке. Застал её сидящей на корточках. Завидев меня, она подскочила и бросилась ко мне на шею:

– Что так долго?

– Можем отправляться, только вот...

Я достал кокон, в котором покоился огнестрел, и протянул девушке.

– Давай его закопаем? Ну его...

Я невольно улыбнулся предложению Алинки. Помню, мы с ней в детстве делали секретки. Красивый фантик найдём, выроем ямку, положим в неё нарядную бумажку и придавим стёклышком, а потом землёй забросаем. Сейчас такое невозможно: секретик слишком уж опасный.

– Давай закопаем, – кивнул я. – Но по мне так лучше в колодец.

– Хорошо, давай в колодец. Где?

– Не в этой деревеньке, в следующей.

– Поехали? Ночь. Нам сказал Егорыч – по ночам ехать.

– Давай.

Мы быстро достигли сарая, сели в машину.

– Почему сзади уселась, Алин?

– Тут оружие и спрятаться могу.

– Перестраховка, – согласился я.

– Не повредит.

С подругой лучше не спорить. Я вздохнул, завёл мотор. Компьютер машины сразу отреагировал на заведённый двигатель. Видео-регистраторы стали отображать, что происходит спереди и сзади.

Офигеть! Не Егорыч, а тайный миллионер!

Такая тачка стоила кучу денег, к тому же ещё и прокачанная. Зато найдёшь её по спутнику в любой точке России. Тем лучше, жаль бросать «красавца» где попало.

Мы тронулись с места, я выехал на машине из сарая и закрыл его, как было. Потом сел снова за руль, и мы помчались в сторону соседней деревни, подпрыгивая на ухабах.

Как там пелось в одном старом фильме: «И у Бога и у чёрта на одном, видать, счету, ты, Российская дорога – семь загибов на версту». Ха! Так и есть, даже укачивает. Но ничего, на трассу выедем, там будет проще.

В соседней деревушке я пополнил запас воды в бутылки из колодца и выбросил пистолет. Подумал и бросил туда же ракетницу. Придётся врать отцу, что потерял. Ладно... Что поделывать, слишком много стволов у нас.

Меня раздражало, что Алинка всю дорогу молчала. Нет, она помогала мне с ведром, с переливанием воды из ведра в бутылку, но при этом всё происходило безмолвно. Я знал: её не оставляла мысль, что она ранила человека, но и тут возможны варианты...

– Линка, – не выпуская руль на бездорожье, сказал я и поймал взгляд девушки в зеркале, – я понимаю, что переживаешь из-за выстрела, но... Давай проконсультируемся с одним знакомым моего папы, он адвокат, и...

– Ага, – ухмыльнулась девушка, – ничего, что я главная подозреваемая в убийстве? Даже если полиция уже допросила жителей деревни, и они подтвердили, что в момент преступления я была здесь, за тысячи километров от места преступления, всё равно проблемы обязательно возникнут.

Прозвучало горько, хотя голос девушки не дрогнул.

– Есть другой вариант... – замялся я, скорее оттого, что перенервничал, а не потому, что нечего сказать. – Консультироваться буду я с адвокатом, ведь... Стрелял и ранил я.

С ума сойти! Сам от себя не ожидал, что такое ляпну.

– Придурок! Сиди!

– Алина, не смей так говорить!

Девушка кинулась ко мне и ухватилась за подголовник:

– Не понимаешь, что ли? Это уголовная статья! Я стреляла – мне и отвечать!

– Тебе ехать в твою грёбаную Латвию! Подумала, когда ты это сможешь теперь сделать?!

– О себе думай, а не обо мне и Латвии! Тоже мне, решил он тут вину взять на себя!

– Подумал.

Мы оба замолчали. Так проще: я рулю, Алина молчит. Зря затеял разговор. Хотя с самого начала, когда ляпнул, не сообразил, что так и надо поступить. Со мной дело будет обстоять легче, и я смогу сослаться на самооборону. Алина свидетелем пойдёт. Копаться следователи долго будут. Папа впряжётся как пить дать, поднимет связи. Выкручусь.

– Даже не думай! – пригрозила Алина с заднего сиденья. – Не смей так делать!

– А то что? – нахмурился я.

– А то... Придумаю! Успокоюсь и придумаю. К тому же ствол не наш, а Егорыча. Ты о нём подумал?

– Не понял.

– Егорыч стволы дал. Он тоже прицепом пойдёт.

– Вообще не понимаю, к чему клонишь.

Алина вдруг хохотнула, так весело, заразительно:

– Егорыч сейчас выгораживать нас будет, ведь стволы его, и мы об этом заявить можем. Потому он скажет что-то полиции, и вот это «что-то» нам надо узнать. Ну, чтобы в одну дуду дуть. Оружие и сейчас при нас. Я всё ещё сомневаюсь, надо ли было выбрасывать пистолет того урода...

Я остановил машину на опушке. До трассы на Владивосток оставались считанные километры. Ночь выдалась, как в криминальном романе: убийство, побег, погоня... Выдохся и хотел хоть немного вздремнуть.

– Ты чего? – бросилась ко мне Алина.

– Я часок посплю и тебе советую.

– Понятно. Спи. Я подежурю.

– Линка...

Подруга отмахнулась:

- Я подежурю. Всю колотит, глаз не сомкну. Может, потом, в дороге?
- Ладно. Ты не замёрзла? Двигатель включённым оставить?
- Нет. Выключай, не замёрзнем. Я пока посмотрю, что в посылке.
- Кстати! Взгляни-ка.

Девушка потянулась к рюкзаку, что стоял с ней рядом на сиденье, и дёрнула верёвку. Достав посылку, сорвала почтовую обёртку. Внутри, как и предполагалось, оказалась коробка из плотного фирменного картона. Раскрыв её, Алина извлекла нетбук, положила на сиденье телефон, зарядник для него, конверт и флеш-карту.

– Флешка? – удивился я, рассматривая предметы в руках Алины.

– Да, – пожалала плечами девушка. – Телефон ещё, будто у меня своего нет. К чему, интересно?

– Что в конверте? Письмо?

– Деньги, – брови подруги полезли на лоб. – Не поняла...

– Проверь флешку.

– Сейчас.

Девушка положила смартфон на кожаное сиденье, конверт определила в рюкзак и водрузила на колени нетбук, включила его. Когда компьютер загрузился, вставила флешку в специальный порт и произнесла:

– Тут только видео.

– Ну, включай. Мне выйти?

Алина покачала головой:

– Нет. Давай послушаем.

Линка вместе с компьютером пересела на переднее сиденье и поставила устройство на панель, запустила видео, прибавила звук. На экране сначала никого не было, виднелась только спинка высокого кожаного кресла, стена, отделанная венецианской штукатуркой и картина. Мощный поток света приходился на правую сторону экрана, и я подозреваю, что происходил он от настольной лампы.

– Это у нас дома, в московской квартире, – пояснила девушка. – Папин кабинет.

Я в ответ только угукнул, ведь на экране в кресло сел дядя Боря. Он улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, дочка! Странное у нас сейчас с тобой будет общение: буквально сквозь время.

Я невольно потянулся к Алинке и взял её за руку. Наши пальцы переплелись.

– Запись сделана в день твоего отъезда и разбита на несколько частей – мера предосторожности. Ты прости меня, что заставил тебя ехать в тайгу, пускай точно знал, что хотела ты в Италию с Зигурдом. Прости. Всё ради твоей пользы. Я не тиран, не домашний деспот. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты выжила в том кошмаре, который сейчас завязывается. Начну с главного: ты в опасности.

Ничего себе! Опасность! Впервые слышал от благодушного дяди Бори слова подобного типа. Но даже не это меня вдруг взволновало, а некий Зигурд, присутствие которого в жизни Алины настолько значимо.

Я бы этому Зигурду все зубы пересчитал!

С другой стороны, чего это я? У подруги детства была до меня жизнь и, судя по всему, насыщенная. Неужели, когда в баньке «парились», она из-за него так плакала? Тогда вообще не понятно, почему всё между нами произошло?

– Повторюсь: ты в опасности. Знаешь ведь, как отношусь к повторениям, но хочу, чтобы ты уяснила и приняла своё положение должным образом. Начну издалека. Я работал в лаборатории, занимался любимым делом. Нас было четверо закадычных друзей. Не хочу приписывать все последующие заслуги только себе. Каждый из нас был окрылён делом

и в общую копилку вносил плоды своих научных прорывов. Не знаю, но у нас долго не получался проект «Велес», над которым трудились лет пять.

Алина нервно теребила вылезшую из рукава её ветровки нитку. Она всегда так делала, когда волновалась, что-то всё время требовалось вертеть или крутить в руках.

– Вкратце скажу, что «Велес» – общее название. На самом деле это целый комплекс работ по изучению таёжной вечной мерзлоты. Наша группа занималась бактериями и вирусами, найденными и извлечёнными на небывалой глубине. Планировалось использовать вирусы и бактерии как бактериологическое оружие. Мы занимались разработкой вакцин от возможной угрозы. Пусть даже никогда бы не довелось применить такое бесчеловечное оружие, но мы понимали – третья мировая война началась. Это случилось ещё тогда, когда человечество просто появилось на Земле. Идёт до сих пор, и однажды... Нужно быть готовым отразить удар. Кто бы мог подумать тогда, что всё так бездарно будет отложено и заморожено на неопределённый срок. Знать бы...

Воцарилась пауза. Дядя Боря задумался. Я наблюдал за Алиной, и мне казалось, что она затаила дыхание в ожидании продолжения.

– Его уже хотели закрыть, военное финансирование снизилось, науку вообще считали бесперспективной... В общем, что говорить?

Отец Алины почесал подбородок, он так всегда делал, когда пытался донести до собеседника что-то очень важное.

– У нас по проекту начала вырисовываться общая картина. Нам тогда казалось, что горы свернули. Неожиданно дошёл слух, что программу сворачивают. Удар. Особенно по Семёну. Он тогда студентом ещё был, надежды подавал... Большие надежды. М-да... Одновременно мне поступило предложение от латышского филиала одной немецкой фирмы. Я согласился и увёз с собой черновики материалов по «Велесу». Алина, у человечества есть шанс, я это знаю... Мы четверо, а теперь и ты, это знаем. Потому очень важно, чтобы он попал в нужные руки. Я надеюсь на тебя.

Всё интереснее и интереснее. Можно дальше уже не слушать, но я это сделал, ведь и папа, и Егорыч теперь находились под угрозой наравне с Алиной. Сердце упало, хотелось завести двигатель и рвануть обратно, чтобы удостовериться, что с отцом дела обстоят нормально.

Алинка вдруг сильно сжала мои пальцы. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть. Забыл я про подругу и слова дяди Бори: «Ты в опасности».

Вопрос, что делать, повис, точно лезвие гильотины. Нестись к отцу или бежать с Линкой?

– Теперь самое важное... Как ты догадалась, Алина, проект всплыл. Произошло это совсем недавно. Мне поступило предложение, и я понял, что всё, ради чего жил, скоро рухнет, если не соглашусь на условия. Мы ожидали такого поворота. План давно продуман. Сейчас он запущен. Я знаю твёрдо, что старые друзья сделают, как попросил, и ни о чём не спросят, потому уверен, что ты сейчас либо направляешься по дороге к машине, либо уже в ней находишься. Я купил её для такого случая. М-16 на твоё имя – она легальна. Документы на винтовку в бардачке. Теперь твоя задача остаться живой. Только те, кто будут за тобой следовать по пятам, не остановятся, им нужен «Велес». Помни об этом и сохрани себе жизнь. И я уверен, что ты сделаешь правильные выводы.

Проект «Велес» – звучит красиво. Понятно сразу, что финансировался он из средств на оборонку. Конечно, к середине девяностых годов двадцатого века никто не собирался думать о разработках. Папа не часто рассказывал мне о том времени, но когда его прорывало, выплёскивал ушат горечи, накопившейся в душе. Теперь я понимал почему. Всё равно что спортсмена снять с трассы, когда виден финиш.

На самом деле только сейчас осознал, в какую яму провалился отец после закрытия лаборатории, какое разочарование получил в жизни. Из «подающих надежды» и перспективных учёных переселился в тайгу на постоянное место жительства.

Так он себя и не нашёл. Растил меня, жил и редко вспоминал.

Да, пожалуй, только когда Алинка с дядей Борей приезжали, вот тогда и окунались старые товарищи в воспоминания. Егорыч ещё приходил, и вообще в болоте прежней жизни они вязли с головой. Мы с Алиной уходили в такие моменты, играли на улице, гуляли.

Помню, однажды вернулись, а папа и его друзья стоят в обнимку, образуя круг, точно греческие бойцы перед нападением, и молчат. Алинка тогда пальчик к губам приложила и прошептала:

– Они переживают из-за чего-то. Пошли наверх, там поиграем.

Столько воды с тех пор утекло, а я и сегодня помню взгляды троих друзей, устремлённые друг на друга. Они общались ими, словно выносили приговор или договаривались о чём-то. Спустя годы я узнал о чём – «Велес». Один собрал документы или сделал копии, а другие – промолчали, сохранили тайну. А может, они вообще уничтожили документы, относящиеся к проекту, и осталось только упоминание и экземпляр разработки, который вывез дядя Боря?

Я не уверен ни в чём.

Интересно, это месть такая от бывших научных сотрудников или желание однажды продолжить начатое? Или им приказали уничтожить документы из-за смены курса страны, а учёные не смогли превратить в пепел своё прошлое, душу, желание...

Как узнали о проекте, если за более чем двадцать лет о нём никто не думал? Видимо засветились где-то бумаги, и пошёл гон на Алину и её семью, обложили флажками, как на охоте.

М-да, дело ясное, что дело тёмное...

– Теперь инструкция на текущий момент, – произнёс дядя Боря с экрана. – Всё, что ты нашла в коробке, должно обеспечить тебе жизнь. Чтобы получить следующий пакет разъяснений, где находятся документы, ты должна прибыть до тридцатого августа во Владивосток. Помни: «Велес» – твоя страховка на полноценную спокойную жизнь. Не верь никому. Вытащи батарею из своего телефона, выкинь – он больше не понадобится. Тебя отследят по нему. Пока что на этом всё. Помни: мы с мамой любим тебя.

Видео закончилось, а у меня в голове пустота. Алина сидела неподвижно, с широко распахнутыми глазами, по щеке текла крупная одинокая слеза. Я смотрел на девушку и молчал. Свет от экрана обнимал её тело, лицо, делая нереальной, таинственной, неживой. Такими бывают манекены, которые наблюдают за прохожими из-за стекла витрин магазинов. Сделанные по образу и подобию человеческому, они пустыми нарисованными глазами смотрят на мир, а может, вглубь себя, кто знает...

Фантасмагория какая-то!

Я почувствовал, что снова дышу. Оказывается, я этого не делал.

– Тебе опасно со мной идти, – прошелестела подруга, но продолжала не моргая смотреть на пустой экран нетбука.

– Да-да, – прошептал я, расцепив наши руки, – нужно и мой телефон выключить, вытащить батарею. Могут отследить.

– Ты что, не слышал моих слов? – продолжая сидеть неподвижно, прошептала девушка.

Ну-у-у, понеслось, поехало! Теперь уж точно не считал себя частью чего-то необычного, таинственного: Линка на грани скандала! Всё как всегда. Сейчас машина ходуном ходить начнёт. Раскошегарится, дай только срок – не остановить потом, пока не выскажется!

– Слышал, – кивнул я, расстегивая молнию внутреннего кармана ветровки и доставая телефон.

Не отвечать подруге – всё равно что не попытаться защититься от сильного ветра. Любое слово – преграда для камней, что этот ветер принесёт с собой. Такой характер, что поделаться? Только мириться и попытаться снизить накал страстей.

– Ты понимаешь, что должен быть с отцом? Я сама разберусь. Не смей ехать со мной! Не смей брать на себя вину за выстрел! Я тебе запрещаю!

Линка дёрнулась, точно от удара, и резко повернула голову. В глазах стояли слёзы, во взоре – гнев и безысходность.

О! Спираль негодования начинала закручиваться. Алина-смерч идёт в атаку. Спасайся кто может!

– Дай свой телефон, – попросил я, а подруга прищурилась и поджала губы. – Хорошо, сам возьму.

Когда же её прорвёт, а? Лучше пусть спустит всё сейчас и в лесу, чем агония продлится и настигнет на трассе до Владивостока. Давай уже, Алина, время не ждёт.

Полез к девушке, пощупал её куртку, прошёлся ладонями по карманам. Телефона не обнаружил.

– В рюкзаке? Я загляну? – под пылающим взором я потянулся за ношей и обнаружил там телефон.

Быстро разобрал красивое устройство, вытащил батарею и сунул в бардачок вместе со своим – до первой урны. Хотя тут лес, бросать можно куда угодно.

– Ты не понимаешь, – едва сдерживаясь, прошипела Алина.

Есть много мужских баек о рыжеволосых девушках, и с уверенностью могу сказать: они не на пустом месте родились. Передо мной сейчас была не красивая, жизнерадостная милашка с веснушками на курносом носике, а ведьма с пламенными волосами.

– Понимаю, потому и еду с тобой до Владивостока. Я своих не бросаю.

– Ты идиот! Подстрелят же! Не смей! Запрещено! Я одна!

– Это бабушка надвое сказала, – улыбнулся я. – Одна она... Ха! Чего удумала!

– Папа просто так... И мама... И...

– И-и-и... У тебя на лице красные пятна выступили.

Знал, что такое мне с рук не сойдёт, но уж очень хотелось, чтобы гнойник переживаний прорвался, и тогда с Линкой будет проще разговаривать.

Не девушка, а паровой клапан: стравил лишний пар, и снова работает как часы.

– Да как ты... У меня... – подруга задохнулась от возмущения, на щёки пролились две дорожки слёз. – Ты... Да как ты смеешь!

Ожидаемо Алина вцепилась в ворот моей ветровки, подтянула к себе, встряхнула меня хорошенько, аж шее стало больно. Вот сейчас самое главное – дать ей возможность высказаться, но не доводить до рукоприкладства с её стороны, иначе перелом обеспечен, спортсменка же.

– Но веснушки их скрывают. Нормально. Мне нравится.

– Да...

Я неожиданно обхватил девушку, прижал к себе и впился губами в её рот. Алина брыкалась, но я не отпускал. Следствием этого стал подружкин укус.

– Ой, больно! – простонал я, но снова поцеловал Алинку.

На удивление она бурно ответила на мою ласку, но сдаваться точно не собиралась.

Глава 6. Алина

Джип спрятался в просвете между вековыми елями, укрывшими его огромными мохнатыми лапами. Сквозь приоткрытое окно пахло цветами, травой и хвоей. Благоухание будоражило, дарило ощущение покоя и защиты, но вместе с тем я чувствовала внутри себя гнев и злость. Если вдуматься, переживания можно назвать не иначе как раздвоением личности. Я словно смотрела на саму себя со стороны, полагалась на окружающую меня природу и при этом жила эмоциями.

Короче: крыша поехала!

Такое со мной впервые. Обычно если уж скандалила – делала это на все сто процентов, полностью отдаваясь эмоциям.

Парень порывисто обнял меня и крепко притиснул к себе. Его горячие губы пленили меня жёстким страстным поцелуем. Желание острой стрелой пронзило от макушки до пяток, но я не сдавалась: уж очень хотелось настоять на своём, показать, кто тут главный.

Зачем?

Затруднялась ответить даже себе. Просто возникло неотвратимое желание вразумить Остапа, а он, осёл эдакий, не собирался прислушиваться. Лез в петлю следом за мной.

Руки Остапа блуждали по моей спине. Я подалась вперёд, повинуясь желанию. Остап меня обнял, вдавил в себя.

– Линка, – выдохнул парень, – я, точно буйнопомешанный, хочу тебя. Пожалуйста, Линка, пожалуйста...

Руки Остапа спустились на талию, прошлись вдоль бёдер, очертив их изгиб. Потом его ладони снова оказались на талии, но лишь затем, чтобы скользнуть внутрь штанов. Остап с силой сжал мои ягодицы.

Мне понравилась его грубая страсть. Я распаялась всё сильнее. Хотелось большего, много большего. Я вдруг ощутила внутреннюю свободу: наши с Оськой тела находились в моей власти, и от этого доминирования кружилась голова.

Расстегнув пуговицу на моих штанах, Оська проник рукой в трусики и когда коснулся увлажнившегося лона, я издала стон. Его пальцы утопали в складочках влагиалища, даря мне несказанное наслаждение. Я выгнулась – мне мало простых движений.

Остановив руку Остапа, я хрипло произнесла:

– Подожди, я сниму всё это...

Что такое «всё это» – осталось под лавиной захлестнувших меня эмоций. Да и не важно ни для меня, ни для Оськи, как называются предметы одежды. Я сама освободилась от ветровки и футболки, а друг помог стянуть обувь и штаны.

– Ты... – прохрипел парень, глядя на меня затуманившимся взором. – Ты...

– Мне мешает твоя футболка, – вымолвила я.

Надо же, вполне внятно высказалась.

Я, не отрывая взгляда, наблюдала за разоблачением Остапа, теребя свои набухшие твёрдые соски. Сжимала бёдра, а потом выгибалась, приподнимая ягодицы и призывая Оську шевелиться.

Кресло пришло в движение: парень нажал на кнопку, и оно медленно отодвинулось назад. Оська перелез через бортик и оказался между панелью и моим креслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.